

АЛАН
ЧАРОИТ

КОЩЕЕВИЧ И СМЕРТЬ

Дивнозёрье

Алан Чароит
Кощеевич и Смерть

«Автор»

2022

Чароит А.

Кошечевич и Смерть / А. Чароит — «Автор»,
2022 — (Дивнозёрье)

Сын Кощея ненавидит своего отца и даже приложил руку к его гибели. Но не зря говорят, что убивший «дракона» сам им становится... Это история хорошего человека, который, став бессмертным, незаметно для самого себя начинает превращаться в чудовище. Удастся ли ему свернуть с этой дороги? И есть ли на свете сила сильнее Смерти?

Содержание

Глава первая. Неожиданная помолвка	5
Глава вторая. Первое предсказание вещуньи	10
Глава третья. Терпение – княжеская добродетель	16
Глава четвёртая. Сомнительные советы	22
Глава пятая. Бери всё, что захочешь взять	28
Глава шестая. Заклятие придётся доработать	33
Глава седьмая. Ну что там в Дивьем царстве?	39
Глава восьмая. Услуга за услугу	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алан Чароит

Кощеевич и Смерть

Глава первая. Неожиданная помолвка

Кошей Бессмертный умер в начале лета. Говорят, так было предначертано и занесено в книгу Судьбы. Но Лютогор Кощеевич, по прозвищу Лис, в предначертания не верил. Судьба ведь птица гордая, пока не пнёшь – не полетит. Вот будешь действовать, тогда да, преуспеешь. Или умрёшь, пытаясь.

Он, как никто другой, знал, какую цену пришлось заплатить за то, чтобы освободить Навье княжество от гнёта ненавистного отца... Да что греха таить – сам помог его извести. А всё ради любимой матушки, Василисы.

Ещё бы это ей помогло...

Кошей был далеко не дурак и в верности сына сомневался не зря. А чтобы наследник не дурил, заколдовал его мать. Вморозил Василису в вечный лёд, и заклятие это не разрушилось даже с Кощеевой гибелью. Способ освободить её был – непростой, как обычно. В жизни ничего не бывает просто, это же вам не сказка...

– Скажи-ка, вещун, – Лис отложил перо и обратился к вороне, сидевшей рядом с его столом на шестке. – Как думаешь, у меня получится?

– Смотр-ря что, – отозвалась птица.

Своего говорливого питомца Кощеевич называл Вертоплясом. Это был ещё воронёнок. Слёток, который только-только научился разговаривать по-человечески. Что он мог знать о будущем? Но Лис всё равно любил с ним беседовать – надо же было хоть кому-то выговориться, облегчить душу.

Другие вещуны знали намного больше, да где они все теперь? Разлетелись после Кощеевой смерти. А Вертопляс остался. Лису его подарили. Ещё при Кошее жил в замке такой дядька Ешэ, советник бессмертного князя. Все его боялись. Ну а как не бояться, если он колдун, каких мало? К тому же дядька Ешэ заведовал подземельями. И упыринные фермы, где готовили нежить для войны с Дивьим царством, в его ведении находились. И палачами он заведовал. И судьбу узников решал. А ещё – держал птичник. Все вещуны ему подчинялись: летали по свету да новости приносили... В общем, страшный человек был дядька Ешэ, но Лис его всё равно любил. Потому что советник отца был к нему добр, словно к собственному сыну.

Если бы отцов выбирали, Лис был бы рад отказаться от родства и Кощеевой крови. Даже втайне мечтал, чтобы Ешэ его хоть раз сыном окликнул, но не дождался. Советник придумал ему прозвище – Лисёныш. И кроме него, никто так княжича называть не смел.

– Не знаю, за что хвататься, – пожаловался Лис Вертоплясу, подперев кулаком острый подбородок. – Вроде сперва всё хорошо складывалось: отец помер, война с Дивьим царством закончилась, знамёна мы эти дурацкие со змеюками с башен замка сняли, людей порадовали... Я думал, и дальше пойдёт как по накатанной. А тут что ни день – новые проблемы.

– Пр-роблемы? – воронёнок склонил голову набок.

Кощеевич принялся загибать пальцы:

– Во-первых, мир с царём Ратибором у нас не подписан. Каждый сидит в своих палатах, никто ни на кого не нападает, но разве в случае окончания войны правители не подписывают такие особые грамоты?

– Надо гр-рамоты, – кивнул Вертопляс.

– Во-вторых, Серебряный лес в приграничье. Я считаю, он наш, навий. А у дивьего царя иное мнение. И никто никому уступать не хочет. Говорят, они с Кошеем на первых порах

именно из-за него и сцепились. Ещё до моего рождения дело было, так что, сам понимаешь, свечку не держал, – Лис вздохнул и подёргал себя за длинную тёмную прядь у виска. Та вечно выбивалась из хвоста. Раздражала.

– Дур-рацкий лес! – каркнул вещун.

– Не такой уж и дурацкий, – усмехнулся Кошечевич. – Там, между прочим, растут ели с серебряными иголками. Представляешь, какое это богатство? Оно и для чеканки монет годится, и для чародейства. Не зря же у нас в Нави серебро дороже злата ценится. Ладно, вот тебе третья проблема: огнёпёски Кошечевы разбежались. Шастают теперь по окрестным лесам, огненными глазами зыркают, траву палят. А кого встретят – сразу жрут. Сам знаешь, какие это злющие твари. Волков, и тех слопали! По-хорошему, надо бы на этих псин охоту устроить да объявить награду за каждую клыкастую голову...

– Нагр-рада – это хор-рошо, – воронёнок открыл клюв, и Лис, поняв намёк, поделился с питомцем кусочком мяса со своей тарелки. Всё равно уже заветрилось – у княжича совсем не было аппетита.

– Ладно, значит, будет охота. Надо поспешить, пока эти твари всех моих подданных не слопали. Эх, а ещё с Горынычами надо что-то делать. Они посла прислали. Моего ответа ждут...

– А кор-ронация? – осторожно напомнил Вертопляс.

Лис отчаянно замахал руками.

– Иди ты! Это тебя советник Май просит каждый день мне про коронацию в уши каркать? Сказал же – нет! Хочу, чтобы мать могла присутствовать на празднике в мою честь, понимаешь? Иначе всё будет не по-настоящему. Вот вызволим её из ледяного плена, тогда и корону-юся.

– Дур-рачок, – вещун сказал это ласково и почему-то с интонациями советника Мая. Ну понятно, кто научил...

– И вот тебе главная задачка: расколдовать Василису. Для этого нужен волшебный перстень дивьего царя, но этот гад не ответил ни на одно моё послание, представляешь?

– Вр-ремя.

– Думаешь, дать ему немного привыкнуть к мысли, что у нас власть переменилась? – задумался Лис. – Что ж, может, ты и прав.

– Р-развейся, р-развлекись!

Нет, его точно Май подучил... но, вопреки обыкновению, княжич не стал спорить. Наверное, ему и впрямь стоило погулять, собраться с мыслями, насладиться последними днями лета. Оно ведь в Нави такое короткое! А проблемы подождут.

– Доедай, я не буду, – он кивнул Вертоплясу на тарелку с мясом, накинул на плечи жилет с меховым воротником, взял гусельки и, обернувшись к птице уже от двери, добавил: – Почему никто не предупредил меня, что править страной – такая морока?!

* * *

Кошей так долго обманывал смерть, что, когда они всё-таки встретились с безносой, его тело сразу обратилось в прах. Даже кости истлели. Однако Лис решил, что негоже будет оставить отца без погребения. Ещё не хватало, чтобы в замке Кошечев призрак поселился...

По его приказу прах отскоблили от простыней, собрали в глиняный сосуд, и Лис собственноручно закопал его в яблоневом саду у той самой башни, где была заключена его мать. А на могиле посадил молодой дубок – благое дерево, – чтобы защищал от всякой не-жизни. Сперва он не думал, что будет приходить к отцу на могилу, но что-то его тянуло...

Вы не подумайте, Лис не тосковал – было бы о чём! Скорее ему нужно раз за разом получать доказательство: да, злодей мёртв. Это не сон, всё взаправду.

Плакать княжич разучился ещё в детстве, поэтому приходил, садился под дубок на камешек, играл на гусях и пел. Песней проще было выразить то, что наболело: и собственную растерянность, и страх не справиться с ответственностью, которую он взвалил себе на плечи, и дурные предчувствия, от которых каждый день ныло сердце. А ещё – скорбь по матери.

Как же бедняжке Василисе не повезло. Когда Кошей унёс её из Дивнозёрья – деревни в мире смертных, – ей было столько же годков, сколько Лису сейчас. Ну, в пересчёте с навьего на человеческий, разумеется. Ведь чуть больше сотни – это как раз где-то семнадцать-восемнадцать? И всё, с тех пор она свободы не видела. Злейшему врагу такой участи не пожелаешь...

Лис подёргал струны на гусях, проверяя строй, и зло бросил ни в чём не повинному дубку:

– Не было бы тебя, я бы не сделался бессмертным!

– Не было бы его, ты бы вовсе не родился, – прозвучал в ответ тихий женский голос.

Княжич вздрогнул и обернулся – никого.

Он сложил пальцы в щепоть, готовясь отразить нападение, но в саду лишь ветер тихонько шелестел листьями.

– Померещилось, наверное, – решил Лис и криво усмехнулся.

Хоть он и сетовал на бессмертие, но всё же немного лукавил. Сколько раз его уже пытались убить в собственном доме? То сторонники сестрицы Доброгневы являлись под личиной. То навья аристократия, которой он нос утёр, пыталась поставить зарвавшегося княжича на место. А то и дивьи мстители заявлялись, которые ненависть к Кошею на его сына перенесли. Никто из лиходеев не преуспел, потому что Лис – не будь дурак – смерть свою запрятал хорошо. Не как отец.

Зачем все эти сложности: утка, заяц, – если можно носить смерть с собой, перемещая при необходимости в любой предмет, которого коснулся? То-то удивились бы дивьи мстители, узнав, что стрелу пускать надо было не в грудь Кошечевичу, а, скажем, в его сапог! А спустя мгновение уже не в сапог, а в камешек, который он схватил, падая... Лис был горд своей придумкой – это уже столько раз спасало ему жизнь.

В горестях он перебирал струны, на ходу сплетая мелодию. Не колдовскую, а самую обычную. Своими музыкальными талантами он тоже гордился, потому что Кошей играть ни на чём не умел, песен не придумывал и даже пел на редкость фальшиво. Значит, в этом Лис тоже превзошёл отца.

Тоскующая душа просила песен, и княжич тихонечко замурлыкал себе под нос:

*«Как в Огонь-реке пламя растеклось –
От тебя ко мне перекинут мост.
Звонкий, как струна, тонкий, словно нить, –
Не перелететь, не перескочить».*

Увлёкшись, Лис не сразу заметил, что в его песню вплёлся девичий голос – да так ладно, как будто всегда там был. А ведь он слова на ходу сочинял. Откуда эта девица могла их знать? И как вообще оказалась в зачарованном саду, куда людям хода нет? Может, это кто-то из прислуживающей нежити? Тогда как она посмела вмешиваться?

Так много вопросов, так мало ответов.

Он оборвал песню на середине, огляделся – и охнул от неожиданности. Прямо за его спиной стояла незнакомка в чёрном платье. Никак, опять убийцу подослали?

Лис отпрыгнул в перекате, бросил гусли на траву (заодно переместив в них жизненную силу) и приготовился к сражению. Но незнакомка не спешила нападать. Казалось, ей вообще не стало никакого дела до юного княжича, как только тот перестал петь.

Она погладила ладонью ствол молодого дубка на могиле Кошей и вздохнула.

«Может, чёрное платье – это траур? Неужели в этом мире есть кто-то, кто горюет об отце?» – подумал Лис и тут же кивнул сам себе.

Да, и такое могло быть. Большинство людей Кощея, конечно, ненавидели. Одни придворные поклонялись ему из страха, другие – искали выгоды для себя и своих семей... Но было одно пророчество. Хотя вернее было бы назвать его проклятием. Мол, только тогда родится у Кощея наследник, когда одна девица возненавидит его больше жизни, а другая так же сильно полюбит. И это случилось, раз Лис – единственный сын Кощея – появился на свет. Той девицей, что ненавидела отца, была его мать Василиса. Но была ещё и Анисья – одна из многочисленных Кошечевых жён, – она-то и полюбила похитившего её негодяя. Как так? А пёс его знает, сердцу не прикажешь...

Можно было предположить, что если Анисья прикипела сердцем к Кощею, то могли быть и другие, кому навий князь пришёлся по душе.

Незнакомка по-прежнему обнималась с дубком, что-то беззвучно шепча. Лис не хотел мешать ей скорбеть, поэтому молчал и тайком разглядывал. Красивая девица: волосы – вороново крыло, глаза как вишни – даже темнее, чем у самого Лиса. Платье богатое, чёрным жемчугом искрит-переливается. И... странное какое-то. Не навье и не дивье, а что-то между. Пояс узорчатый, тканый, а за поясом – острый серп. И ещё мешочки, в каких травы носят. Значит, чародейка или воительница. А может, и то, и другое вместе...

И тут Лис замер, поражённый догадкой. Это что же, сама Мара Моревна пришла?! Потому что если кто и мог проникнуть в зачарованный сад без приглашения, то это она – ведунья из нитяного леса. Того самого, где судьбы всех живущих плетутся. Не зря её называли Хозяйкой всего волшебства.

Лис знал, что Кощей – ещё давно, задолго до его рождения – сватался к Маре Моревне, только та его на смех подняла. Сказала: на кой мне за околеванца костлявого замуж идти? А теперь, выходит, пришла проститься...

– Что ты так смотришь на меня, будто дыру собираешься прожечь? – звонкий голос Мары Моревны заставил Лиса смутиться и пробормотать:

– Прости...

– Али не узнал? – чародейка сплела руки на груди. – Мы с отцом твоим лучшими друзьями были, а теперь я и к тебе дружить пришла.

– Узнал, – с восторгом выдохнул Лис. – Ты Мара Моревна, великая чародейка, властная над судьбами этого мира, жизнью и смертью. И я рад приветствовать тебя в своих землях. Разреши пригласить тебя в замок, к столу. Если бы ты предупредила, что явишься, мы бы пир горой закатали. Но и так найдётся чем попотчевать.

Девица скривилась:

– Не угадал, дружок. С сестрицей Марушкой меня перепутал. Впрочем, я привыкла. Нас даже батюшка порой не различал, представляешь? А многие так и вообще не знают, что нас две. Ну что, теперь хоть понял, кто я такая?

Лис покраснел. Стыдно было допустить ошибку, но ещё хуже – он до сих пор не представлял, с кем имеет дело. И Мару Моревну-то многие легендой считают, а уж про её сестру и вовсе не слыхивали...

– А на вид казался умнее, – девица поджала губы.

Княжич молчал. Мысли роились в его голове, словно пчёлы. Кажется, даже пытались жужжать. Но высказать хотя бы одну из них он боялся: а вдруг гостя обидится? И будет ещё одна проблема – будто других мало.

Девица то улыбалась, то хмурилась, и было совершенно не понятно, то ли её забавляет происходящее, то ли всерьёз злит.

– Хорошо, я намекну. Покажусь тебе в истинном облике, – она шагнула ближе, заглянула Лису в глаза – и тот заорал так, что чуть не сорвал голос.

Нет, ну а как ещё прикажете реагировать, когда подведённые сурьмой глаза-вишни вдруг превращаются в тёмные провалы, а на месте милой улыбки возникает хищный оскал черепа? Миг – и наваждение пропало.

– Да чтоб я сдох! – выдохнул княжич, и девица снова расхохоталась.

– Боюсь, с этим у тебя некоторые трудности, дружок. Ты ведь меня отверг, как и твой отец. Да только вот незадача: тот, кто смерть гонит, на самом деле обручается с нею навеки. Возьмёшь колечко? – она протянула на ладони тонкий серебряный ободок с камушком-слёзкой.

Лис хотел отказаться, но не смог. Рука сама потянулась к подарку. Словно во сне он взял кольцо, надел его на палец и понял – всё, снять теперь не получится.

А девица ухмыльнулась:

– Не переживай. Люди его видеть не будут. Только такие же, как ты, – кто тоже смертью пренебрёг. Но признаюсь тебе, суженый мой ряженный, других бессмертных сейчас в мире нет. Ты единственный мой жених. Впрочем, радуйся – я не ревнива. Можешь с другими девицами водиться, мне без разницы. Я за тобой наблюдать буду, а придёт срок – своё всяко заполучу.

– Так ты и есть Смерть! – ахнул Кошечевич.

Вот только что теперь с этой догадкой делать? Эх, лучше было бы оставаться в неведении. Его ладони похолодели, по спине пробежали колющие мурашки, а ноги стали ватными. Сейчас захотел бы убежать – не смог бы. Да и разве от смерти убежишь? Даже если ты бессмертный...

– Можешь звать меня Рена, – улыбнулась девица. – А то Марена Моревна – слишком уж церемонно для обручённых.

Она показала Лису в точности такое же колечко на своей руке. Ох, выходит, всё всерьёз?

Княжич на всякий случай ущипнул себя за щёку: может, это сон? Нет. Было больно.

– Ты... любила моего отца? – он еле вымолвил это пересохшими губами.

– Я вообще людей люблю, – Рена подмигнула. – Чего ты дрожишь? Неужто собираешься жить вечно?

– Вообще-то в планах было примерно это, – усмешка вышла кривой, ненастоящей. – И я не боюсь тебя. Просто... всё как-то неожиданно.

– Я рада, – Смерть взяла его за руку. – Знаешь, твой отец в последнее время часто впадал в ужас, когда я являлась пред его очи. Поэтому с ним нелегко было дружить. Но ты, я вижу, не робкого десятка. Зачем тебе вообще понадобилось бессмертие? Навьи люди и без того обладают долгой жизнью. И таких, как ты, полукровок это тоже касается.

– Пф! Да сколько я живу, меня всё время убить пытаются. Даже в младенческую люльку ядовитых змей подкладывали.

– Цена бессмертия велика, – Марена в задумчивости закусил губу. – Думаешь, оно того стоило?

Какое-то сомнение шевельнулось в душе, но Лис отмёл его с негодованием.

– Да. Потому что я всё ещё жив. А остальное – не важно...

– Как знать, как знать, – Смерть покачала головой. – В общем, покамест – я на твоей стороне. Попробуем подружиться. Если помощь какая понадобится – обращайся. Не только моя сестрица умеет судьбы менять да желания исполнять. Усёк?

И, дождавшись кивка, пропала. Только холодным ветром в лицо пахнуло: колючим, промозглым, с запахом могильной земли.

Но Лис знал: они ещё встретятся. Это уж как пить дать!

Глава вторая. Первое предсказание вещуны

Развезаться не получилось. После такой прогулки Лис вернулся в замок в ещё более взвинченном состоянии. Единственное, о чём он мог думать, – как бы упасть в кровать, натянуть на уши одеяло и на некоторое время забыться сном. Желательно – без сновидений. Но сегодня всё было против него.

Ещё на подходе к своим покоям он услышал громкое карканье Вертопляса. Это полбеды: вещуна всегда можно было бы попросить заткнуться. Но Вертопляс был не один. Прислушавшись, Лис узнал голос его собеседника. Конечно же, это был советник Май. Ну кто ещё посмел бы войти в покои княжича, когда того нет на месте?

Вместо того чтобы разогнать всех, Лис остановился под дверью, прислушиваясь... интересно, о чём они там судачат за его спиной? Наверняка же его обсуждают.

Княжич не ошибся, советник с воронёнком действительно говорили о нём.

– И как давно ушёл? – Лис хоть и не видел Мая, но представил, как тот вертится, словно на иголках. Что поделаешь, характер такой: на месте никак не сидится.

– Изрядно.

– А сказал, куда пойдёт?

– Пр-рогуляться. Гусли забр-рал. Говор-рит, много пр-роблем.

– Ох, да. Этого добра у нас навалом, – вздохнул Май. Советник был ровесником Лиса, но его голос порой всё ещё звучал как у подростка и периодически давал петуха. – Слышал, огнepёски опять напали на селение. Теперь уже в низине. Повезло, что шаман на рассвете не спал. Бросил в костёр разрыв-траву. Так гроыхнуло, что псины убежали, поджав хвосты. Правда, пара человек с тех пор заикается. Немудрено, когда от взрыва проснулся...

– Мр-рак! – согласился Вертопляс.

– Ты говорил с Лисом про охоту?

– Говор-рил. Он обещал устр-роить.

– А про коронацию?

– Тоже говор-рил. Отр-рицает.

У Лиса едва не вырвалось: «Ага-а!» Вот как знал, что это советник Вертопляса науськивает. Где-то в глубине души княжич знал, что Май прав, но всё равно упирался. Да и разве до праздников им сейчас?

– Послушай, Вертопляс, – советник понизил голос так, что Лису пришлось прислушаться. – Как тебе кажется, в каком он нынче настроении? Ну, вообще.

– В дур-рном, – не раздумывая ответила птица.

– Вот то-то и оно... беспокоюсь я. Ты ему о предсказании не сболтнул, надеюсь?

Тут Лис наострил уши. Какое ещё предсказание? Что эти двое от него скрывают?

– Нет, – Вертопляс щёлкнул клювом. – Но повтор-рюсь: скр-рывать пр-равду – неправильно.

– Знаю-знаю. Мы обязательно всё расскажем, но попозже. Сперва я должен сам во всём разобраться, понимаешь? Знал бы ты, как непросто быть советником, мой серый друг. Ещё и единственным. Даже у Кошея их два было!

– Бар-рдак, – подтвердил воронёнок, и Лис аж задохнулся. Ну приехали! Они его ещё и осуждают!

Распахнув дверь, он влетел в комнату:

– Эй-эй, полегче, вы оба! Можно подумать, я тут бездельничаю. Вот скажи мне, Май, кого назначить вторым советником, а? Кому тут можно доверять? Вертопляс, может, тебя назначим? Чего молчите?

– И тебе здравствовать, княже, – Май поднялся ему навстречу. – Я с докладом. Изволишь принять?

«Не изволю», – хотел мстительно сказать Лис, но язык не повернулся. У советника была такая обезоруживающая улыбка, что, взглянув на него, хотелось не ссориться, а улыбаться в ответ.

Они познакомились, когда Кощей отправил Лиса на войну, чтобы наследник, как он изволил выразиться, «ума понабрался». Май тогда был всего лишь десятником, но героя сразу видно, даже когда он третий воин в пятом ряду. А дружба, что возникает во время войны, – самая крепкая. Настоящее братство по оружию. Так что советник был одним из немногих, кому Лис действительно доверял. А ещё – одним из немногих, кто величал его «княже», несмотря на отлынивание от коронации.

– Валяй, докладывай, – Кошечевич махнул рукой.

Он терпеливо выслушал про нападения огнелёсок на сёла, про очередных недовольных аристократов, которым не понравилось, как Лис обошёлся со знамёнами своего отца (ну да, свалил в кладовку, а чего такого? на них же змеи ненавистные!). Поморщился, когда Май заговорил о неурожае. Ещё и с этим не повезло... холода в Нави могли настать уже в сентябре-октябре. Значит, из соседних становищ потянутся люди, которым Лис на заре своего правления легкомысленно пообещал приют в замке. А кормить их будет нечем.

– А откуда мы раньше еду брали, когда был неурожай? – он наморщил лоб.

– Так война была. У дивьих отбирали, – развёл руками Май.

– М-да, теперь уж так не получится, – Кошечевич вздохнул.

– Никак, жалеешь о мире?

– Ни о чём я не жалею! – Лис сам не ожидал, что так разозлится в ответ на безобидную подначку. – Я бы с царём Ратибором поговорил. И о торговле, и о прочих делах. Жаль, что он знаться со мной не хочет. Сколько уже птичек-восточек было ему отправлено!

– А сколько, кстати? – Май подался вперёд.

– Три, – соврал Кошечевич.

На самом деле их было девять, но он обещал советнику, что уже после пятой начнёт действовать жёстко и решительно. А в случае с упрямым как осёл Ратибором это грозило новой войной. Как заставить несговорчивого царя ответить хоть что-нибудь, Лис пока не придумал. Поэтому новых восточек не отправлял – решил обождать.

– Ну, может, ещё ответит. Время есть. Лучше скажи, кому поручишь охоту устроить?

– Сам возьмусь, – Лис потёр руки.

А что, отличная идея! Помнится, все в один голос утверждали, что ему надо развеяться. Вот будет и забава, и польза.

Тем удивительнее оказался резкий ответ советника:

– Нет! – он выдохнул это, словно гавкнул. И ещё больше стал похож на кудлатого пса. Чёрного, с седой прядью. Раньше его взъерошенные волосы смешили княжича – как ни причёсывай, всё равно торчат. Но сейчас ему очень хотелось дёрнуть советника за чуб, чтобы не перечил.

– Но почему?!

– Князю не по чину, – пояснил Май после недолгого раздумья. – К тому же у тебя бездельников – полон замок. Если ими не повелевать и на подвиги не отправлять, они начнут заговоры плести, зуб даю. А так и люди будут при деле, и ты хоть немного дух переведёшь. Ты себя вообще видел? Бледный как смерть!

На этих словах Кошечевич невольно содрогнулся. Из-за спины будто бы повеяло знакомым могильным холодом. Он даже украдкой обернулся, но никого не увидел. А присутствие тем не менее ощущалось. Впрочем, стоило ли удивляться? Марена же сказала, что будет наблюдать.

– Хорошо, пусть сотник Айен займётся охотниками. Он всё рвался помочь. Выслужится – повышение получит. Может, его вторым советником назначить, а? Но это так, на подумать. Ему пока ничего не обещай.

– Будет сделано, – кивнул Май, пряча улыбку.

Ишь, добился своего и радуется!

– Что-то ещё? – Лис зевнул.

– Нет, всё. Отдыхай, княже. И ешь побольше. Кто опять обед воронам скормил?

Вот Вертопляс, гадёныш. И тут сдал. Кошечевич решил, что пора переходить в наступление:

– Ты точно больше ничего не хочешь мне сказать?

Советник с воронёнком переглянулись. У-у, заговорщики.

– Нет, ничего. – Май раскланялся и ушёл так поспешно, что Лису захотелось снять сапог и запустить ему вслед.

Разве так поступают боевые товарищи? Вот кому прикажете доверять, если даже самые близкие что-то скрывают?

– А ты? – он перевёл взгляд на Вертопляса. – Тоже будешь отпираться?

– Ты под двер-рю подслушивал? – воронёнок взмахнул крыльями, словно руками всплеснул. Смешной он.

– А если бы нет? Сколько ещё вы бы меня за нос водили? – вспыхнул Лис. – А ну признавайся, каркуша, что за пророчество?!

– Ты же знаешь, я ещё вор-ронёнок, – запричитал Вертопляс. – Неопытный вещун.

– Знаю. Кстати, когда у вас способности к предсказаниям появляются обычно?

– У всех пор-разному. Пр-реже я ничего такого не видел. А на днях – озар-рило.

– И как ты догадался, что увидел именно волю судьбы, а не, скажем, сон? – Лису и правда было интересно.

– Скор-рее это был кошмар-р, – воронёнок переминался на шестке с ноги на ногу. – И вообще всё ер-рунда. Навер-рное.

– То-то вы из-за ерунды так всполошились. Перестань, слышишь! Я знаю, что вы с Маём оба обо мне заботитесь. Но если дело касается меня, я должен знать.

– Он меня пр-рибьёт, если р-расскажу, – Вертопляс закатил глаза.

– А если не расскажешь, тогда я прибью. Выбирай!

Воронёнок на всякий случай перелетел с шестка на подоконник и прокаркал оттуда:

– Спр-рашиваешь, как я узнаю р-руку судьбы? А как ты узнаёшь, что хочешь есть или пить? Это пр-росто пр-роисходит. Такова наша пр-рирода. В общем, ты пр-рав, есть пр-ророчество. Моё пер-рвое. И оно говор-рит, что тебя очень скор-ро ждёт смер-рть. Не смейся! Я знаю, что ты бессмер-ртный, но...

А Лис хохотал, не в силах остановиться.

– Ой, не могу! А ты ведь прав, пострелёнок! Только я её уже встретил. Во плоти, так сказать. Сегодня в саду.

– Ох, и кр-как? – Вертопляс чуть не навернулся с подоконника.

– Всё нормально, мы же взрослые люди. Поговорили – разошлись, – оскалил зубы Лис. – Ну, обручились мимоходом.

– Помолвку твою я тоже пр-редвидел. Только не понял, что за девица, – закивал вещун. – И что тепер-рь будет?

– Поживём – увидим, – Кошечевич пожал плечами. – Ты за меня не переживай. Я же бессмертный!

– Мне бы твою увер-ренность, – нахохлился воронёнок.

А Лису вдруг пришла в голову мысль о маленькой мести, и он хохотнул:

– Ты только Маю не говори, что всё разрешилось. Пусть помучается.

– Ковар-рный, – пожурил его Вертопляс, но Лису не было стыдно. Вот ни капельки!

– Ага. Я же Кошечев сын. Нечего было в молчанку играть за моей спиной. Слу-у-ушай, – его вдруг осенило. – Раз ты теперь такой знатный предсказатель, спроси у судьбы: кому из подданных я могу доверять? Кого вторым советником назначить? И на прочие дворцовые должности тоже посмотри. А то я не знаю, кто искренне со мной, кто ради выгоды, а кто подсидеть меня хочет.

– Это не так р-работает, – вещун нахохлился ещё больше. – Пр-редсказание сделать – это тебе не в амбар-рную книгу судьбы заглянуть. Озар-рение само приходит.

– Да? А у дядьки Ешэ, помнится, была ворона, которая по запросу поворожить могла.

– Ага. И знаешь, как мы её звали?

– Как?

– Вр-ракунья. Это от «вещунья» и «вр-раки». Ну, в общем, ты понял.

– Жаль, – Кошечевич разочарованно вздохнул, и воронёнок глянул на него сочувственно.

– Хочешь не пр-редсказание, а др-ружеский совет?

– Ну, давай.

– Ты в последнее вр-ремя везде видишь вр-рагов. Даже там, где их нет. Пр-рямо как твой отец. Попей р-ромашки. Она р-расслабляет.

Тут уже Лис не удержался. Стянул с ноги сапог и запустил в пернатого негодяя.

– Никогда! Слышишь? Никогда не говори, что я похож на отца!

Вертопляс, конечно, увернулся и с воплем «кар-раул!» вылетел в окно. Лис затворил ставни, и в комнате сразу воцарился полумрак.

Может, хоть теперь получится поспать?

Он смежил веки, но сон не шёл. В голове всё крутились тревожные мысли. Княжич натягивал одеяло на уши, пробовал считать овец, но воображаемые овцы так и норовили превратиться в ненавистных горынычей. И Лис содрогался. Все чешуйчатые-ползучие гады вызывали у него оторопь. Он сам знал, что это очень глупо – Кошечев сын, который боится змей, но при этом носит на плече отцов знак в виде двух переплетённых гадюк. Сама по себе метка достаточно удобная. С её помощью, например, можно без труда ориентироваться в пещерах под замком. А ещё ни один злыдень без почтения не подойдёт, ни один упырь – даже дикий – случайно не цапнет. Но почему нельзя было нарисовать, например, лисичку? Да хоть зайчика – и то было бы приятней...

Он вертелся ужом, сбил простыни, уронил подушку. Без одеяла было холодно, с одеялом – жарко. Наконец Лис отчаялся. Сел рывком на постели и с тоской молвил, глядя в потолок:

– Рена, ты же здесь? Давай поболтаем?

Смерть явилась в тот же миг. Просто возникла, сидя на кровати и болтая ногами:

– Отчего же не поболтать. Не спится, дружок?

– Угу, – он кивнул. – Надоело всё – хуже горькой редьки. Мне кажется, если бы я даже придумал заклятие, которое разделило бы меня на много маленьких Кошечевичей, они бы и то не справились.

– Ещё бы и передрались, кому страной править. И всё равно не стали бы друг другу доверять, – усмехнулась Смерть.

– Хочешь сказать, я сам себе не верю?

– Уж со мной-то можешь не юлить, я тебя насквозь вижу. И, знаешь, очень тебе сочувствую.

И Лис поперхнулся уже придуманным колким ответом. А потом как-то отстранённо подумал, что прежний Лис – тот, который ещё не добился вечной жизни, – услышав такое, непременно бы нюни распустил. Сейчас он стал сильнее, бесстрашнее. И это хорошо: от чувств только лишние хлопоты. Как здорово, что бессмертие замораживает слишком ретивые сердца.

Нельзя сказать, что Кощеевич совсем ничего не чувствовал. Он мог бы запросто различить свои чувства: вот это – гнев, это – радость. Но их будто бы присыпало пылью. А со временем этой «пыли» будет становиться всё больше. Не зря же его отца называли бессердечным и укоряли в неумении любить.

Но Лис точно знал одно: он должен спасти мать. Даже если ради этого понадобится разрушить города и перевернуть весь мир с ног на голову. Огоньку искренней сыновней любви никакая пыль столетий была нипочём!

– Ты говорила, что можешь помочь, – он улыбнулся Смерти.

– Да.

– То есть можешь сделать всё, что я захочу?

– Даже Смерть не всемогуща, – развела руками Марена. – Но мы можем договориться. Например, в рамках моего основного ремесла. Хочешь кого-нибудь убить?

– Наоборот. Разбуди мою мать, пожалуйста! Она спит вечным сном в башне, замороженная в нетающий лёд.

– Узнаю Кощееву руку, – Смерть перестала болтать ногами, вдруг посерьёзнев. – Тут помочь не смогу, дружок. Она не жива и не мертва, понимаешь? В общем, не в моей власти. Придётся тебе справляться самому.

Что ж, этого следовало ожидать. Но попробовать стоило.

– Тогда, может, подскажешь, кому можно доверять и на должности назначать? Можно как-то отличить тех, кто мне желает зла и таится?

Марена ненадолго задумалась:

– Ну, дядьку Гидана можешь сразу не рассматривать. Я его сегодня заберу.

– Э-э... ладно. А это вообще кто? – Лис помнил в лицо и по именам многих своих подданных, но всё же не всех.

– Не знаешь? Ну и пёс с ним. А точных способов отличить врага от друга нет. Можно только слушать своё сердце. Оно тебе ещё что-нибудь подсказывает?

– Изредка.

– Вот и пользуйся, пока можешь. Потом перестанет. Думаешь, почему твой отец всех подозревал? Потому что сердце льдом покрылось, перестало биться. Ну и всё. Дальше кругом враги! – Марена протянула ему красное душистое яблоко.

– Это что? – Кощеевич с опаской покосился на фрукт.

– Бери, угощаю.

– Волшебное? А что оно делает?

– Да самое обычное яблоко, успокойся уже.

Лис потянулся, Смерть немного подразнила его, не давая взять угощение, но потом всё-таки отдала. Оно и правда оказалось вкусное. Сочное такое, со вкусом лета.

– Шпасибо, – пробормотал Кощеевич с набитым ртом.

– Вот и люди такие же, как это яблоко. Пока не попробуешь – не узнаешь, что под кожей, – улыбнулась Марена.

– Знаешь, это немного помогло.

– Я рада, – она встала, собираясь уйти, но Лис, поражаясь собственной смелости, поймал её за рукав:

– погоди!

– Чего-то ещё желаешь, дружок? – Нет, она всё-таки потешалась над ним. Но почему-то это не было обидно.

– Слушай, а можешь сделать, чтобы царь Ратибор согласился со мной встретиться? Я ему уже столько птичек-восточек отправлял, уж и просил, и угрожал – всё без толку. Между прочим, восточкам это ой как не нравится. От безответных писем они хиреют.

– Любишь птиц? – Смерть, казалось, удивилась.

Лис задумался.

– Наверное. Или раньше любил. В общем, птицы хорошие. Не то что люди.

– Да, эту просьбу я, пожалуй, могу выполнить. Ты только вот что сделай – отправь ещё одну птичку прямо сейчас. И вели передать царю то, о чём умалчивал ранее. Тогда дождёшься ответа.

«Что, например?» – хотел было спросить Лис, но Марена уже испарилась и больше на зов не откликалась. Вот несносная...

Вздыхнув, он дошёл до стола, открыл ящик и достал берестяную птичку размером с ладонь. Прошептал заклинание, и игрушка ожила, моргнула глазками-бусинками. Он подставил руку, подождал, пока птичка поудобнее зацепится коготками за указательный палец, и насыпал в ладонь немного корма. А когда она склевала последнее зёрнышко, сказал:

– Слушай и запоминай, – это была колдовская фраза, после которой весточки бросали все свои дела и замирали, не в силах противиться голосу чародея. – Лети и передай царю Ратибору из Дивьего царства, что, если он согласится со мной встретиться, я не стану претендовать на Серебряный лес, о котором они издавна с Кошечеем спорили. Пусть забирает себе ели с серебряными иголками все до единой. Ежели он согласен, пускай приходит через семь дней на закате на вершину Лысой горы, на границе наших земель расположенной, но никому не принадлежащей, там и грамоту подпишем, и потолкуем заодно.

Закончив послание, Лис отворил ставни. Птичка-весточка чирикнула, взмахнула крыльями и – фр-р-р, – вылетев в окно, вмиг затерялась на фоне огненного неба.

Глава третья. Терпение – княжеская добродетель

– Ты написал царю что?!

Лис не помнил, чтобы Май прежде хоть раз так орал.

– Что слышал, – он поморщился. – Считаешь, какой-то там лес стоит жизни моей матери? Да если Ратибор за него поделится перстнем Вечного Лета, то я и два леса отдам. И пять! К тому же, помнишь, из-за него всё и началось. Ну, я имею в виду прошлую войну.

– Серебряный лес был только поводом, княже, – вздохнул советник. – Кощей хотел связать ту войну.

– Вот именно. А я не хочу. Много мы, что ли, хорошего видели в битвах? Люди устали, понимаешь. Я хочу дать им передышку.

Ещё больше Лис хотел передышки для себя, но говорить об этом вслух было как-то неловко. Хотя Май, конечно, понял бы.

– Я тоже не хочу воевать, – советник прошёлся взад-вперёд по комнате, собираясь с мыслями. – Но ты же знаешь Ратибора. Ему палец дай – он руку оттяпает.

– Нам так говорили. Дивьи люди – злые, мы – хорошие. Так было надо, иначе воевать бы никто не пошёл. Ну, кроме упырей и злыдней. Им всё равно, они хозяину подчиняются. Только против чародеев слабые, с ними много не навоюешь.

– Кстати, раз уж ты об этом заговорил, – Май резко остановился. – Что ты собираешься делать с упыриными фермами отца?

– Ещё этого не хватало! – Лис закатил глаза. – А можно ничего не делать? Пусть как-нибудь само...

– Сейчас они работают как при Кошее, потому что распоряжения остановиться не было. Скоро появится новая партия молодых упырей, которых надо обучать. Если пустить дело на самотёк, они начнут жрать кого ни попадя. А в замке и без того небезопасно...

Лис в сердцах стукнул кулаком по столу и заорал:

– Хватит!

Нет, он совсем не хотел вымещать гнев на советнике. Понимал, что Май ни в чём не виноват, но чем дальше, тем меньше хотел его видеть, потому что тот всякий раз приходил с мешком новых проблем.

Невольно княжич вспомнил, как в таких случаях поступал Кощей, и вкрадчиво, с отцовыми интонациями задал встречный вопрос:

– Вот ты мне и скажи, как быть. Кому поручить наставничество?

– Да закрой ты эту ферму, друг. Оставь старых упырей да злыдней, которые в замке служат. А новые нам не нужны. Молодёжь клыкастая только сражаться умеет, а мы учимся жить в мире, – советник почесал в затылке и добавил: – Кстати, в этом наша главная беда. Не умеем, не привыкли, не ведаем, что такое мирная жизнь и с чем её едят. Поразмысли об этом на досуге.

Кошечевичу его слова не понравились.

– Хватит. Не хочу ни о чём думать. Особенно о треклятых упырях.

– Лис, ты не сможешь вечно от всего отмахиваться.

– А я говорю, отстань!

– Думаешь, мне нравится тебя шпынять?

– Вот и не шпыняй! Фу, слово-то какое неприятное.

– Как скажешь, княже...

Таким тоном сказал, будто надулся. Ну и пожалуйста. На обиженных воду возят.

– Что-то ещё? – Лис сплёл руки на груди. – Я устал.

Советник пожал плечами:

– Уже? День только начался.

– Потому что у меня на сегодня были другие планы, – Кошечевич потёр руки. – Долой пустые разговоры. Позавтракаем – и на охоту! Надеюсь, у Айена всё готово?

Но советник и тут всё испортил:

– Мы поедем без тебя. Не княжеское это дело – огнepёсок по лесам гонять.

Вот заладил! Что за несносный человек.

– А какое тогда княжеское? – фыркнул Лис. – Для вас, между прочим, оно опаснее, чем для меня. И я могу быть полезным, ты же знаешь. Как начну чары петь – ни одна огнepёска не уйдёт.

– Мы справимся. А тебе вот – список дел начинающего правителя, – Май вручил ему свиток. – Как раз хватит, чтобы не заскучать, пока нас не будет.

Кошечевич обречённо смял свиток в ладони.

Нет, ну на что он надеялся? Сам же попросил Вертопляса не говорить советнику, что злое предсказание сбылось, со смертью они уже повстречались и обручились даже. Стоит ли удивляться, что Май везде пытается соломки подстелить?

«А вот возьму и не буду ничего делать, – мстительно подумал Кошечевич. – На гусельках поиграю или вон в библиотеку схожу, пока все по лесам шастать будут. Княжич я или кто? Что хочу, то ворочу!»

Но вслух, конечно, этого не сказал. Лишь улыбнулся и сладким голосом пожелал Маю доброй охоты.

После совместной трапезы нави воины оседлали коней и покинули замковый двор. Большую часть из них Лис знал – вместе воевали. Хорошие ребята. Не без зависти он проводил их долгим взглядом со стены, посмотрел на мятый свиток в своей руке и отбросил его в сторону.

– Не хочу ничего решать.

Наверное, прав был отец. Не выйдет из него хорошего правителя. Ну так его не для этого растили, между прочим.

Наследник – это ведь так, название одно. Как ты можешь унаследовать трон, если твой папа собирается жить вечно?

Кошей прочил сыну наместничество в Дивьем царстве – когда война закончится. Никто не сомневался, что Навь победит, вот только... сколько лет они сражались? Уж точно больше, чем Лис на свете прожил. То наступали, то отступали. Порой казалось, что ещё немного – и захватят Светелград, дивью столицу. Но этого так и не случилось.

А ведь у Кошей и боевых упырей со злыднями была тьма-тьмушая, и горынычи на его сторону встали, и жар-птицы для него шпионили, и военачальников толковых хватало, а всё-таки победить не вышло. Теперь уже и не спросишь, почему...

– Ты что-то уронил, княжич, – раздался за спиной вкрадчивый голос, и Лис подпрыгнул. Уф, нельзя же так подкрадываться!

Хотя нет, это мара, ей можно. Не Моревна, а самая обычная – из тех, что навевают людям кошмарные сны. Их у Кошей в замке тоже было предостаточно.

Мары издавна занимались охраной внутренних покоев. Все были как на подбор – черно-волосые, скуластые, смуглые, гибкие, как речной тростник. У каждой за поясом две изогнутые сабли. А в широченных шароварах можно хоть яд спрятать, хоть дымовуху, хоть любовника. Улыбнётся такая, сразу увидишь: зубы острые, как у щуки, ещё и язык длинный, змеиный. Красотки, в общем. Нет, без шуток – бывает такая красота, от которой одновременно испытываешь и восторг, и ужас. Вот такие и были мары – два десятка сестёр, все на одно лицо. Впрочем, одну из них – Маржану – Лис отличал от других. И она его тоже привечала. Могло бы всё у них сладиться, но... эх, не срослось.

Кошечевич вздохнул. Он не любил вспоминать ту ссору. Потому что неизбежно приходил к мысли, что поступил плохо, и надо было бы извиниться. Но во-первых, извиняться его

не учили, а обычного «прости» оказалось недостаточно – уж это он пробовал. А во-вторых, Маржана просто ушла, и где её теперь искать, Лис понятия не имел.

Глупое сердце ёкнуло: может, всё-таки вернулась? Но в следующий миг стало ясно – нет, это другая мара. Муна, или как её там?

– Угу, – буркнул он, принимая свиток из её рук, и тут же улыбнулся. Перед подчинёнными следовало держать лицо. Май – не в счёт. – Как служба идёт?

– Всё хорошо. Как обычно, – поклонилась Муна.

Кощеевич был готов её расцеловать (и непременно сделал бы это, будь на её месте Маржана). Хоть у кого-то в этом проклятом замке всё хорошо!

Но он рано обрадовался, потому что мара решила уточнить:

– А что делать с Кощеевыми узниками, княжич? Палачи интересуются: пытаться или не пытаться?

– С ума сошли? – ахнул Лис. – Отпустите всех сейчас же!

– А тех, кто сам идти не может? Может, того? – Муна положила ладони на рукояти сабель. – Из милосердия.

Кощеевич закатил глаза. Ну конечно, что ещё могла предложить мара!

– Нет, мы поступим иначе... – Он задумался: а что бы сделал Май на его месте? – Так, чтобы через три дня... нет, через два! – у меня был письменный отчёт. Сколько всего узников, их имена, возраст, кто таковы, давно ли в заключении и в каком они состоянии. Всех, кто может ходить, – выпустить. Кто не может – разместить в казармах и пригласить лекарей. Безумцев поселить отдельно. Всё понятно?

– Так точно. Вот только... – мара замялась.

– Что?

– Писать мы не обучены. Может, проще всех убить? С чистого листа так с чистого листа. Лис шумно вдохнул, выдохнул. Терпение – княжеская добродетель. Помни, ты – правитель. Это звучит гордо (а ощущается жалко, но это ли не мелочи?).

– Возьми себе в помощники того, кто умеет писать.

Муна просияла:

– Ой, как же это я сразу не подумала!

Очень, очень не хватало Маржаны...

Он запоздало понял, что произнёс эту фразу вслух, и Муна тут же посуровела:

– Я не знаю, где наша старшая сестра, княжич. А если бы и знала – не сказала бы.

– Так-то ты мне служишь? – усмехнулся Лис.

Вроде не обиделся, а всё равно слова мара его задела.

– Семья – всегда на первом месте, – почтительно, но твёрдо пояснила Муна. – Она не хочет тебя видеть. Её воля – её право.

– Тогда всё, иди выполняй приказ, – Кощеевич махнул рукой, и мара растворилась, в мгновение ока слившись с тенями, что отбрасывали зубцы крепостной стены.

* * *

Все следующие дни Лис прилежно изучал свиток, вычёркивая сделанное. Он почти ненавидел себя за ту минутную слабость. Просто раньше, на войне, всё было намного понятнее. Даже в момент, когда враги оказались не такими уж негодяями и с некоторыми довелось подружиться, он ловко лавировал между двух огней и хитрил, водя за нос самого Кощея!

Прав был Май – жить в мирное время им всем ещё предстояло научиться. Но оно того стоило! Вот проснётся от колдовского сна мать – непременно порадует. А для этого к её пробуждению всё должно быть улажено.

Ухватившись за эту мысль, он принялся за дела с истинным рвением, позабыв про еду и сон. Вертопляс несколько раз напоминал ему:

– Сделай пер-рер-рыв, – но Лис только отмахивался. Не до того!

А на исходе второго дня вернулась весточка (говорят, никто на свете не летает быстрее, чем эти маленькие птички: даже горынычи за ними не угонятся). Её гранатовые глаза-бусинки сияли от счастья, а к лапке была привязана берестяная рулька, в которой коротко, но ясно значилось: «Приду». Вот так просто: без приветствий, без подписи. Но Лис всё равно на радостях закружился по комнате так лихо, что чуть не сбил со стола пару склянок с зельями. Похоже, ему наконец-то улыбнулась удача. Ай да Смертушка! Нашла подход к упрямцу Ратибору! Главное, теперь не упустить возможность. И плевать, если придётся отдать не только Серебряный лес, но и, скажем, изумрудные копи в Змеевых горах...

– Спасибо тебе, Рена! – шепнул он.

Смерть не появилась, но за спиной словно бы кто-то тихо хмыкнул. Не зря же она говорила, что теперь всегда будет рядом. Если бы ещё с указами помогла – цены бы ей не было.

Но, увы, тут придётся разбираться самому.

Княжич корпел над бумагами всю ночь. А на рассвете, когда кто-то осторожно постучал в дверь, сперва подумал, что ему чудится. Но стук повторился уже настойчивее.

– Войдите, – буркнул Лис. – Кого там принесло?

Он никак не ожидал, что brave воины уже вернулись. Но ещё больше удивился, увидев в дверях не советника Мая, а запыхавшегося Айена. В крови. К счастью, в чужой, огнepёсый.

– Здрав будь, княжич, – сотник вошёл с поклоном. А может, просто опустил голову, чтобы не задеть макушкой притолоку. – Ты велел доложить, когда охота закончится. Так вот – всё. Одиннадцать огнepёсок добыли!

– Молодцы, – Лис зевнул. Неловко получилось. Как будто ему дела нет. А на самом деле очень спать хотелось. – И много ещё осталось?

– В низине, почитай, всех истребили. Но в горах ещё полно. Так что переведём дух – и снова за дело.

– Будет вам подмога из местных, – княжич положил ладонь на стопку указов. – Я назначил хорошую награду за голову каждого пса. Твои охотники её тоже получают. Напиши мне имена особо отличившихся.

– Будет сделано! – здоровяк щёлкнул каблуками сапог. – Есть ещё одна идея, княжич. Огнepёски зело любят, когда мясо подтхшее. Прямо волю теряют. Ежели созвать мастеровых, наделать клеток да положить туда приманку, быстрее тварей переловим. Да людей не будем лишней раз опасности подвергать.

– Отличная идея! Вот ты и займись.

– Так точно!

Да, пожалуй, надо советником его сделать. Мужик толковый. А ещё на дядьку Ешэ похож. Такой же высоченный, длинноносый, и брови кустистые. Даже причёска та же: длинная косица на выбритой голове. Правда, моложе раза в два, ну так годы – дело наживное.

– Кстати, а где Май? – Прежде чем принимать решение, стоило всё же посоветоваться. Худо будет, если эти двое друг друга недолюбливают.

Айен соорудил скорбную мину:

– Моя вина, княжич. Не уберегли!

– То есть как это – не уберегли?! – Лис вскочил.

Видать, он так сильно изменился в лице, что сотник в испуге замахал руками:

– Да живой он, живой! Тока ранен сильно. Самолично доставил в покои, позвал лекарей и сразу к тебе с докладом. Не вели казнить!

– Не велю, я же не Кошеч. Только начинать надо было с этого, а не с дурацких клеток, – процедил Лис сквозь зубы, на ходу надевая жилет.

Всю сонливость как рукой сняло. Оттолкнув Айена с дороги, княжич скатился по лестнице и зашагал, нервно размахивая руками. Волнение скручивало внутренности узлом, и Лису это совсем не нравилось. Чтобы избавиться от неприятного чувства, пришлось призвать на помощь другое – досаду:

– Меня не пустил, значит. Вот и поплатился, болван самонадеянный! Так ему и надо!

Эта мысль настолько засела в голове, что, оказавшись у постели раненого, Лис сразу высказал её вслух – сухо и зло.

А в ответ услышал:

– Прости, княже. Оплошал. Спасибо Айену – это он меня вытащил.

Советник выглядел жалко и был бледен, как простыни, на которых лежал. Наверное, потерял много крови.

– Как же тебя угораздило? – Лис придвинул себе скамью и сел напротив.

– Огнелёска оказалась хитрее, – поморщился Май. – Выскочила совсем не с той стороны, откуда ждали. Обошла загонщиков.

– Но вы её убили, надеюсь?

– Да.

– Значит, ты отмщён, – Лис улыбнулся. – Надеюсь, с этой мыслью ты быстрее выздоровеешь. Ты нужен мне, Май.

– Спасибо, – советник попытался улыбнуться в ответ, но тут же скорчился от боли. – Сам-то как время провёл?

– Да уж не бездельничал, – княжич сиял от гордости. – Всё, что было в твоём свитке, выполнил. И даже больше. А ещё, представляешь, мне Ратибор ответил!

– И что сказал? – Май приподнялся на локте, но Лис, взяв его за плечи, бесцеремонно опрокинул на подушки.

– Лежи, кому сказано! Сказал, мол, приду. Получается, через три дня на закате встретимся. Как же не вовремя ты слёг – прямо перед важными переговорами.

– Я пойду с тобой!

– Ага, и помрёшь прямо там. Ещё чего не хватало!

– Не помру, не дождёшься.

– Это я тут бессмертный.

– А я – везучий.

– Эй, ты со мной спорить будешь? – Лис нахмурился, но Май не думал отступать:

– Говорят, для этого советники и нужны. Чтобы князя не зарывались.

– Если после каждого подвига будем советников хоронить, их не напасёшься. Да и не последние это переговоры, чует моё сердце. Успеешь ещё.

Май повесил нос:

– Только не делай глупостей, ладно?

– Пф! Можно подумать, я часто их делаю!

– Случается...

Нет, каков нахал! Скрипнув зубами, Лис мстительно заявил:

– Больше никакой охоты, ясно? Если мне шиш, то и тебе – шиш!

– Вот это и называется «долг перед страной и народом», – вздохнул Май.

– Кстати о долге... как ты смотришь на то, чтобы всё-таки назначить Айена вторым советником? Мне понадобится помощник, пока ты не поправишься. Не возражаешь?

– Он мне жизнь спас. Ещё бы я возражал! Единственное, что... – Май замаялся, подбирая слова.

– Говори уж прямо, все свои.

– Айен – человек надёжный, но нравом горяч. Ему бы за языком последить поучиться.

– Ну, это дело наживное.

– Ты прав. Но просто держи это в голове... Сейчас меня больше твоя встреча с Ратибором беспокоит. Обязательно возьми мару-другую, и пусть они в тених укроются. Мало ли...

– Думаешь, Ратибор посмеет замышлять против меня?

– А почему он раньше не отзывался, а теперь вдруг согласился встретиться? Наверняка что-то задумал.

«Да мне просто Смерть помогла желание исполнить», – хотел сказать Лис, но в последний момент прикусил язык. Долго объяснять. Да и не стоит советнику о Марене Моревне знать: крепче спать будет – быстрее выздоровеет.

Кажется, впервые с начала их дружбы он скрыл от Мая что-то настолько важное.

Прикрываться заботой было удобно, но на самом деле Лис осёкся, потому что почувствовал острый укол недоверия где-то под ложечкой. Словно рыбой кость проглотил.

В голове зудела мысль: кому вообще можно доверять в этом мире, если не Маю? А ответ напрашивался сам собой – ни-кому.

Глава четвёртая. Сомнительные советы

– Зачем гадать, чего не хватает навъему народу? Этак голову сломать можно. Почему бы у них самих не спросить? – Айен ещё не стал советником, а добрые советы уже всю раздавал.

Впрочем, Лис сам спросил его мнения. А услышав ответ, задумался. И правда, почему бы нет? Кошей никогда такого не делал.

Но когда огромная толпа наводнила замковый двор, идея перестала казаться княжичу такой уж привлекательной. Люди гудели растревоженным ульем, толкались, переругивались, оттаптывая друг другу ноги. Кто-то поднимал на руки детей, чтобы те посмотрели на нового правителя. Ох, не задавили бы кого в такой толчее...

Лис вцепился в подлокотники кресла, которое ему вынесли на наспех сколоченный помост. Трон смотрелся бы лучше, но не тащить же Кошеев, костяной? Во-первых, сидеть на нём неудобно, синяки потом остаются. Во-вторых, Лис его в сердцах разломал и чинить не собирался. А собственный заказать – руки пока не дошли. Поэтому он набросил бархатный плащ на простое кресло из библиотеки, решив, что и так сойдёт.

Помост поскрипывал от напора толпы, несмотря на свирепые окрики мар и щелчки нагаек. Оно было и понятно: люди устали бояться. А Кошеев сын стал для них новой надеждой. Конечно, всякий хотел подойти ближе, а ещё лучше – взобраться по лесенке, преклонить колено, обязательно коснуться руки и выдохнуть что-нибудь вроде:

– Помоги, княжич, зиму перезимовать!

– Благослови дитячко, господин! Мика, а ну-ка улыбнись дяде.

– Мой братко Ванчик в Кошеевых подземельях. Прикажи найти, умоляю! Коли жив, век тебя благодарить буду. Коли мёртв, так хоть похороним по нашим обычаям.

Голоса становились всё громче и настойчивее, сливаясь в дикую какофонию. Лис уже не разбирал, кто о чём просит. Он закрыл глаза и представил себе целый снежный ком из слов, лавиной несущийся с горы:

– А вот ещё обоз гнилой репы...

– Дык потом выяснилось, что это Нима-воришка отару свёл.

– Не погуби, княжич! Не виноватый я!

Ах, как было бы здорово, если бы всех этих крикунов сейчас смело и разбросало по двору – вместе с гнилыми досками, прелой соломой и конским навозом! Кто только додумался допустить сюда телеги?

– ...и отправить чародеев в Морошковое полесье, дабы защитить от морового поветрия.

– Сталбыть, придворная должность мне была ещё при Кошее обещана.

– ...разбойничают, гады, в степи, а стрелы у них волчьей травой отравлены.

– С голоду пухнем, княжич! Ботвой питаемся!

– Довольно... – прошептал Кошеевич, хватаясь за голову.

Но просьбы не умолкали. Толпа волновалась, как колосья в поле перед грозой, напирала. Помост шатался. Кажется, кого-то всё-таки придавили – в толпе послышались стоны, визг и женские причитания.

Стоявшая рядом мара, нахмурившись, положила ладони на рукояти своих сабель. Она не понимала, что делать – ведь княжич строго-настрого повелел никого без приказа не рубить. А Лису вдруг стало страшно. Как будто все эти люди не с поклоном к нему пришли, а на казнь публичную полюбоваться-потешиться. А в роли жертвы – он сам.

В этот миг он напрочь позабыл о недавно приобретённом бессмертии. В горле пересохло, язык прилип к нёбу – ни вдохнуть, ни скомандовать: «Куда прёте! А ну назад». На висках выступил холодный пот.

Шёпотом он позвал мару Маржану. По старой привычке. Разумеется, та не пришла. Тогда он покликнул Рену – но Смерть тоже не подумала объявиться.

Зато – словно обухом по голове – нагрянули воспоминания о былых битвах. То же людское месиво, те же выкрики и стоны... Звон клинков, искры заклятий, рёв горынычей и кровь он додумал сам. Ещё весной эта картина не вызвала бы ужаса. Почему же вдруг так плохо? Может, отвык? Слаб духом стал?

Задыхаясь, он поискал глазами Мая. Не нашёл. Запоздало вспомнил, что тот лежит раненый. Значит, не придёт, не спасёт. Айена тоже не было видно. Придётся прорываться самому. К своим.

Где-то на краю сознания, словно птичка в клетке, билась мысль: война закончена, эти люди – не враги тебе. Ага, как же! Толпа безлика, и в ней может скрываться кто угодно. Дивьи шпионы, моровые чародеи с проклятыми предметами. Да даже мятежная сестрица Доброгнева...

В глазах потемнело, словно в неурочный час настали густые сумерки. И Лис сделал то, что делал всегда в момент опасности: запел.

Разумеется, это была не просто песня, а чары, стократ усиленные его страхом, гневом и желанием защитить себя во что бы то ни стало. Даже гусли не понадобились, хватило просто голоса.

Первые строки Кошечевич пропел еле слышно, но постепенно силы возвращались, удушье отступало, и он задышал полной грудью.

Чародейские мелодии он ещё в детстве слагал так, что даже упыри заслушивались. Ласковый мягкий тембр проникал сперва в уши, потом – в души. Песня будто бархат под ноги стелила, завораживала. Особенно тех, кто руки княжича коснуться успел.

Толпа замерла, прислушиваясь, а потом принялась раскачиваться в такт. Даже на мар действовало – вот какой силы вышло заклятие!

Лис встал и расправил плечи, чтобы лучше пелось:

«Буйные ветра княжича хранят, пусть и мой народ не предаст меня. Буду каждый шаг видеть наперёд: кто меня предаст – дня не проживёт».

Он ещё не успел допеть, а из толпы уже послышались выкрики:

– Слава княжичу Лютогору!

– Лютогор наш господин!

– Умрём за тебя! Только прикажи!

– Нет уж, лучше живите ради меня, – Лис поморщился. – Хватит смертей.

Как же ему не нравилось данное отцом имя. Мало того что звучит глупо, так оно ещё и дивье... издать, что ли, указ, запрещающий к нему так обращаться?

Он опустился в кресло, наконец-то позволив себе расслабить плечи:

– Так. Не толпиться. Не напирать. Упавшим помогать. Подходить по одному, с глупыми просьбами не лезть. Ясно вам? – гордый собой, он сплёл руки на груди.

Жаль, на всю страну такую песенку не споёшь. Действует только на тех, кто лично слышал и ладони касался. Зато хотя бы тут он навёл порядок, и дальше всё пошло как по маслу. Но теперь Лис понимал, почему Кошей никогда ни о чём не спрашивал своих подданных...

* * *

– Ты соображаешь, что натворил? – Май опять ругался.

Лис уже начал привыкать, что тот ворчит по поводу и без. Это было утомительно. Он не ожидал, что весёлый и внимательный сотник превратится в такого брюзгу. Как будто старикан какой, всё ему не так – не этак. А ведь он даже немного моложе Лиса. Что же дальше-то будет?

– Тебе не говорили, что советнику не обязательно всё время ворчать? – Кошечевич болтал ногами, сидя на кровати, и улыбался. Он попытался всё превратить в шутку.

Тот Май, с которым они воевали бок о бок, непременно её подхватил бы. А этот только поморщился:

– Ты не оставляешь мне выбора, княже. Думал бы больше головой, всем было бы спокойнее...

– Помолчи, – рыкнул Лис. – Мы друзья, но оскорблений я не потерплю! Если хочешь знать, я только и делаю, что головой думаю. Только чувствую, как будто мне дали решето и сказали: вычерпай озеро. Когда вычерпаешь – всем счастье настанет. Только вода никак не убывает, льётся и льётся меж пальцев... может, не годен я к правлению, а?

Сейчас очень кстати пришлось бы слова утешения. Вот что ему стоило сказать, мол, всё у тебя получится, княже. Ты справишься.

Но Май пожал плечами:

– Не знаю, друг. Мне тоже порой кажется, что из меня вышел негодный советник. Мы никогда раньше не делали ничего подобного. Возможно, другие справились бы лучше нас. Но мы не отступим и будем пытаться снова и снова.

И Вертопляс с шестка добавил:

– Вр-ремя покажет.

– Ты не помогаешь, – огрызнулся на него княжич и снова повернулся к Маю: – Вот я и пытаюсь. Что тебе не нравится?

– Песня твоя.

– Ты её не слышал вообще-то, – Лис обиженно надул губы. – Я хорошо спел.

– О, в этом я не сомневаюсь, – кивнул Май. – Давай, спой её мне, похвастайся.

Кошечевич слишком хорошо знал своего советника, чтобы не почувствовать подвох.

– А тебе-то зачем? – выдохнул он после недолгого замешательства. – Ты и так мне верен.

– Как и многие из тех, кому сегодня довелось услышать твои чары.

– Ну и что? Тебе я верю, а им – нет. Теперь буду спать спокойнее.

– Ты же бессмертный. Чего ты так боишься? – резко спросил Май, приподнимаясь на локте.

– Бессмертного тоже могут предать.

– Как ты предал своего отца?

Лис, вспыхнув, вскочил с кровати:

– Мой отец был тиран и деспот!

– Да кто ж с этим спорит? – советник поморщился.

– Тогда объяснись. Я чувствую, что ты пытаешься на что-то мне намекнуть. Но я не понимаю намёков. Давай уже говорить начистоту?

– Давай, – охотно согласился Май. – Ты только успокойся. А то бурлишь, как суп в котелке.

Кошечевич сел и сложил руки на коленях:

– Ну? Я весь внимание.

– Ты можешь заколдовать всех, сделать свой народ послушным. Но чем тогда ты будешь отличаться от Кошея? Он тоже держал подданных в страхе, потому что боялся предательства. Не мог влиять на умы, как ты, но пользовался иными чарами. И услугами палачей, конечно.

– Но я никого не пытаю. В отличие от.

– Лис, я вовсе не хотел тебя обидеть, – вздохнул Май.

– Однако обидел.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты осознал, что ступил на скользкую дорожку. Сойди, пока не поздно. Ты будешь хорошим правителем и со всем справишься, я уверен.

Нет, ну что ему стоило сказать это раньше?

– Я никогда – слышишь? – никогда не стану таким, как Кошей, – процедил Лис сквозь сжатые зубы. – Не был бы ты ранен... не был бы ты моим другом...

– То что? Заколдовал бы меня?

– Нет. Вдарил бы кулаком промеж глаз, чтобы чушь не нёс!

И тут советник неожиданно улыбнулся:

– Вот это мой Лис, узнаю его. Теперь я спокоен.

– Как же, спокоен он, – уже совсем беззлобно пробурчал Кошечевич. – Тебе волю дай, будешь виться вокруг, как ворон. Я рад, что ты обо мне заботишься, но твоя забота порой вдохнуть мешает. Умерь пыл, Май. А не то правда по роже получишь.

– Понял. А ты?

– Я вроде тоже понял, – Лис вздохнул. – Эх, жаль. А такая идея была. Вся Навь меня бы любила!

– На войне ребята любили тебя без всяких чар.

– Так то на войне...

– За дверь-рю кто-то есть! – вдруг каркнул Вертопляс, и Лис, нахмурившись, рявкнул:

– А ну, кто там?!

Одновременно с его криком раздался стук.

– Княжич, это Айен. Можно?

Чтобы войти, рослому воину пришлось наклониться, иначе бы он точно задел головой притолоку.

– Ты зачем под дверью подслушиваешь? – Лис нахмурился.

– Да уж не затем, чтобы тайные тайны выведывать, – пожал плечами Айен. – Просто шнурок, вишь, лопнул, вот я его и перевязывал. Негоже к княжичу заваливаться, когда портки вот-вот упадут. Конфузно.

– А пришёл зачем?

Айен поскрёб в затылке.

– Да мне эта... сказали, что тебя, княжич, чуть толпа не задавила, и ты дюже злился. Вот я и прибежал, как только смог.

– Так. А почему тебя рядом со мной не было, когда это случилось?

Вояка повесил нос:

– Прости, княжич, моя вина. Думал, мары сами справятся. Я, понимаешь, с утра кислой капусты напёрся до отвала. Кто ж знал, что она совсем скисла?

Такое случалось и прежде. Аппетит у Айена был непомерный – ел всё, что не приколочено. И порой страдал от своей неразборчивости в еде. Им в бой выходить, а сотник опять в кустах обретаётся...

– Готов понести наказание, – торопливо добавил Айен, но Лис покачал головой:

– Да чего уж там. Ты себя, приятель, сам уж наказал. Может, оно и к лучшему сложилось.

Выходит, ты песни моей не слышал...

Они с Маем переглянулись, тот кивнул, и Лис предложил:

– А будешь моим вторым советником, Айен?

Сотник вытаращился, не веря своим ушам.

– Это какая-то шутка, княжич? Я с повинной пришёл, а ты вместо того, чтобы казнить, милуешь.

– Правда, с одним условием тебя на должность возьму, – усмехнулся Лис. – Больше не жри что попало. На княжеской кухне еды хватает.

– Рад стараться, княжич! – просиял Айен. – Да я за тобой в огонь и в воду пойду! Больше не подведу, вот увидишь.

– Пока просто смотри, вникай. Пока Май выздоравливает, будешь при мне. Потом распределим, кто из вас двоих за что отвечает.

– Рад стараться! – повторил Айен.

Сейчас он был похож на большого пса, дождавшегося лакомства с хозяйского стола. Разве что хвостом не вилял.

– Спасибо, что спас меня на охоте, – Май склонил голову в вежливом поклоне. – Должок теперь за мной. Верну, как представится возможность.

– Ой, да ладно, – отмахнулся здоровяк. – Не будем считаться. Чай вместе общее дело делаем. Ты тока на охоту лучше не ходи больше. Не твоё энтó. Мы с ребятами сами управимся. Вот увидишь, ещё до зимы изведём огнepёсок всех до одной. Безопасными станут наши леса.

– Так уж и совсем безопасными? – не поверил Май. – Ещё скажи, волков да медведей не станет.

– Ну, не настолько же, – пожал плечами новоиспечённый советник. – В общем, ты понял, о чём я толкую.

– Я-то понял. Но в новой должности тебе за языком следить не мешало бы. Чтобы не пообещать ничего сверх того, что собираешься исполнить.

– Май, ты опять за своё? – Лис закатил глаза. – Ну зачем ты такой въедливый?

– Потому что я злюсь, – вздохнул раненый. – Думаешь, легко тут на простынях валяться, когда снаружи жизнь кипит?

– Скор-ро выздор-ровеешь. Потер-рпи, – подал голос с насеста Вертопляс, и Кошечевич закивал, соглашаясь.

– Вот, даже птица понимает.

– Да знаю я, знаю...

– Тер-рпение – добр-родетель, сам же говор-рил.

– Уел, – усмехнулся Май. – Советовать порой легче, чем исполнить совет. Будет и мне наука.

– Разреши идти, княжич? – Айен щёлкнул каблуками. – Соберу охотничков, велю им завтра выдвигаться. Ну, чтобы голословным не быть, а дело делать.

– Иди, – Лис махнул рукой.

Когда за вторым советником закрылась дверь, он строго посмотрел на Мая.

– Ну, говори, что тебе не нравится? Я же вижу, как тебя распирает.

– Всего одна просьба, княже. Раз уж Айен теперь советник – ради всего святого, не бери его с собой на переговоры с Ратибором. Из хороших воинов получаются плохие ходатаи.

– А я сам какой?

– С тобой я и в бой ходил, и в разведку, и к царю бы пошёл. Да вот жаль, не могу.

– Ты на вопрос не ответил. Кто я по нутру больше: воин или посол-ходатай?

Май задумался, наморщив лоб. Потом нехотя признался:

– Не в обиду, Лис, но в душе ты – не воин. Это не означает, что ты был плохим боевым товарищем. Просто... бывают люди – дубы: крепкие, упёртые, идущие напролом. А у тебя другая сила. Ты словно вьюн.

– Это хорошо или плохо?

Май покачал головой:

– Вот глянь-ка, уже прицепился! Не всё в мире делится на чёрное или белое, друг мой. Тебе ли не знать? Ты – один. Я – другой. А Айен отличается от нас обоих. И это хорошо. Значит, мы можем взглянуть на дело с разных сторон.

– Значит, Айен – дуб, я – вьюн, а ты кто?

– Тростник, наверное, – Май пожал плечами. – Не суть важно. Главное, не бери с собой Айена – вот мой совет. Потому что царь Ратибор тоже тот ещё... дуб.

Лис рассмеялся и быстренько перевёл разговор на другую тему: спросил у друга, какие книжки тот читает, и, пока советник разливался соловьём, размышлял о предстоящей встрече.

Ему очень не хотелось идти одному. Не потому, что он боялся нападения дивьих. Просто рядом с кем-то из своих Лис чувствовал бы себя намного увереннее. А раз Май не может пойти, кого ещё брать? Не Вертопляса же?

Даже если Айен будет молчать, само его присутствие поможет справиться с волнением. Вьюну нужно вокруг чего-нибудь обвиваться, иначе он перестает стремиться вверх.

Но совет Мая заставил Лиса засомневаться. Может, правда лучше с вороной? Вертопляс тоже друг, хоть и птица...

– Не мучайся, возьми с собой меня.

Лис вздрогнул. Рядом с ним на кровати Мая сидела красавица Смерть. Наверное, у него сделались очень страшные глаза, потому что Рена рассмеялась:

– Да не бойся, твой приятель меня не слышит.

«Ох, надеюсь, она не за ним...» – мелькнуло в голове.

– Не беспокойся, его срок ещё не настал.

«Какого лешего ты читаешь мои мысли?» – с нажимом подумал Лис.

– Любопытна. Грешна. Но ты сам виноват: громко думаешь.

«А не могла бы ты больше так не делать?»

– Могла бы, – подмигнула Смерть. – Но не хочу. Да и как мне с тобой тогда беседовать на людях? Бывает скучно, хочется поболтать.

«Чего ж тогда не пришла, когда я там, в толпе тебя звал?» – Кошечевич припомнил обиду.

– Прости, дружок, занята была. Несколько задавили всё-таки, нужно было забрать, проводить. Явилась, как только освободилась, и вот – предлагаю помощь да свои советы. Берёшь меня на переговоры, али нет?

И Лис кивнул:

«Беру!»

В голове мелькнуло тревожное: ох, не пожалеть бы... Но если Марена это и услышала, то не подала виду.

Глава пятая. Бери всё, что захочешь взять

Царь Ратибор не обманул – пришёл в назначенное место в срок, да ещё и при полном параде, будто на войну собрался.

Впрочем, избежать встречи ему не удалось бы – сказал же: «Приду». А дивьи люди никогда не лгут, могут только юлить и недоговаривать. Ложь, по их мнению, была уделом Нави и смертных – в особенности полукровок: таких, как Лис.

Ратибор явился с парой румяных белобрых молодых в форменных красных кафтанах царской дружины, будто бы опасался, что Лис может нарушить перемирие, которое испокон веков соблюдалось на Лысой горе. Один из молодых вручил Лису выкрашенную в чёрный доску и кусочек мела, неприязненно пояснив:

– Царь велел передать: слышать он тебя не будет – восковые затычки в уши вставил, чтобы речам твоим гнусным колдовским не поддаваться. Но всё, что напишешь, так и быть, прочтёт.

– А сам-то ты не боишься моих речей? – фыркнул Лис, расправив плечи и вперив в воина насмешливый взгляд тёмных глаз. – Смотри, зачарую. Сам против царя пойдёшь, оружие на него подымешь.

Налетевший ветер взметнул его длинные чёрные волосы, а закатное пламя подсветило узкое лицо, играя алыми бликами на острых скулах.

Молодец опасливо отшатнулся, а потом ловким движением залепил уши и себе, с ухмылкой молвив:

– Что, съел, Кошечев сын?!

Ратибор же, поправив золотую пряжку на наборном поясе, сделал знак рукой, и второй молодец с поклоном подал Лису берестяную грамоту:

– Изволь подписать, царевич.

– Княжич, – поправил Лис, но его не услышали.

Он вздохнул и пробежался взглядом по округлым дивным письменам: каждая буква была похожа на жирного воробья, сидящего на жёрдочке. В грамоте значилось, мол, так и так, я, Лютогор Кошечевич, не имею притязаний на Серебряный лес и по собственной воле отдаю его в дар Ратибору, правителю Дивьего царства, – в качестве извинений за деяния моего отца, Кошеч Бессмертного. Вроде никаких подвохов, кривотолков. Только и никаких обязательств с той стороны.

– Не спеши, дружок, – посоветовала из-за плеча невидимая Рена.

– Сам знаю, – буркнул Лис себе по нос.

– Что-то не так, царевич? – молодец в красном кафтане сунул ему в руки стилос (в обычной переписке дивьи люди уже давно пользовались бумагой и чернилами, но для важных документов и писем по-прежнему предпочитали бересту).

– Может, сперва дела обсудим?

Лиса опять не услышала. Он отложил грамоту, взял мел, присел и, положив доску на колено, размашисто накорябал:

«Я подпишу. Но сперва хотелось бы некоторых ручательств от царя».

– Сперва лес, а потом я тебя выслушаю, – ласково улыбнулся Ратибор.

Голос у царя был зычный, привыкший отдавать команды. Спина прямая. Взгляд гордый. Вот уж точно: дуб стоеросовый.

«Лес – не дар, а услуга за услугу».

– Юноша, переговоры так не ведутся, – царь покачал головой, будто сокрушаясь неопытностью собеседника. – Тебе от меня кое-что нужно. Так сделай шаг навстречу. А потом наступит мой черёд. В конце концов, это твой отец развязал войну, а я долгие годы оборонялся. И заслужил небольшую контрибуцию. Давай, докажи, что ты не пустолайка.

– Ох, не верю я этому патлатому, – протянула Марена. – Взгляд у него добренький, а морщинки у глаз злые, острые.

А Лис уже вскинулся, выпятив вперёд острый подбородок. Задело его это обращение: «пустолайка». Помнится, сестрицу Доброгневу дядька Ешэ так именовал за то, что та лает, но не кусает. Мол, только выглядит опасно, а дойдёт до драки – хвост подожмёт – и в кусты. Впрочем, со временем Доброгнева отрастила зубы. Да и Лис уже давно себя щеном бестолковым не считал. На войне-то все, хошь не хошь, клыкастыми становятся.

Ладно. Допустим, он отдаст Серебряный лес просто так. А дальше, коль поладят они с царём, всё случится как и задумывалось. А коль не поладят – наверняка быть войне, и лес можно будет назад отбить. А, была не была!

Кошеевич черкнул на бересте своё имя. Молодец из царской дружины передал грамоту Ратибору, и царь, усмехнувшись, спрятал её за отворот рукава своего парчового, шитого золотом кафтана. Потом поправил царский венец на лбу и молвил:

– Ну, а теперь говори, зачем звал, Лютогор!

Лис поморщился: как же он не любил это дурацкое имя, батюшкой данное. Впрочем, сейчас это было не важно. Он продолжил писать:

«Моя мать Василиса – смертная. Из Дивнозёрья была Кошеем насильно в Навь привезена и зачарована. Помоги расколдовать её».

Ратибор мотнул головой так, что льняные пряди плеснули по щекам.

– Да читал я, читал твои записки. Не знаю, что ты задумал, Лютогор, но моего кольца тебе не видать.

Лис почувствовал, как от гнева потемнело в глазах, но быстро взял себя в руки и принялся, яростно постукивая, вычерчивать новое послание:

«Сверх леса отдам изумрудные копи в Змеевых горах».

– Нет, – он сдвинул рыжеватые кустистые брови к переносице.

«Хрустальные тоже. Для ведьм и чародеев хорошее подспорье».

– И речи быть не может!

«Тогда дюжину навых зеркал?»

Увидев, как загорелись зелёные глаза Ратибора, Лис поспешно дописал:

«Кольцо не навсегда возьму, а лишь на время. Верну, как только растопим синий лёд».

– Врёшь, – поджал губы царь. – Строишь козни, как твой отец. Знаю я ваше вражье племя... когда яблонька крива, то и яблочко у ней с гнильцой.

От этих слов Лис аж задохнулся. Ведь он ничем не заслужил этих несправедливых обвинений, но тень отца будто бы всё время стояла у него за спиной.

«Клянусь, это лишь ради того, чтобы спасти мать. Я – не Кощей, мне не нужно чуждого царства. К тому же я сделал шаг, как ты и просил. Лес твой. Разве этого мало?»

– А я тебе говорила, – фыркнула Смерть. – Хочешь, напугаем его? Скажем, я могу явиться...

Но Лис отмахнулся и сунул доску прямо под Ратиборовы очи. Царь глянул, прочёл, потом перевёл на Лиса холодный взгляд:

– Мальчик, давай начистоту: мне нет дела до тебя и твоей матери. Ты не можешь предложить мне ничего, на что стоило бы обменять кольцо. И, если других дел у тебя нет, я пойду, пожалуй. А лес... считай, ты восстановил справедливость. С него всё началось, им и закончится. Пожмём руки, разлетимся, как птицы в небе. Ты ко мне не лезь, и я к тебе не буду.

Услышав отказ, Лис так озлился, что резко вскочил, уронив доску, и сцапал Ратибора за парчовый рукав. Румяные дружинники похватались за мечи, а глаза царя, казалось, стали ещё зеленее от гнева, нижняя губа презрительно оттопырилась.

– Я научу тебя делать навьи зеркала! – проорал Лис, забыв, что Ратибор его не слышит. То ли ему всё-таки удалось докричаться сквозь воск, то ли собеседник умел читать по губам, но на этот раз его поняли и так.

Лис видел, как сильно – аж до дрожи в руках – царю хочется узнать секрет. Ведь, имея навье зеркало, можно было связаться с тем, кто находится на другом краю света, или на чудеса заморские посмотреть, а то и за злым врагом проследить.

– Сперва расскажи, как их делать, а я подумаю, чего стоит это знание... – начал было Ратибор, но Лис отчаянно замотал головой и чётко, по слогам, произнёс:

– Так. Не. Пойдёт.

Он готов был биться об заклад, что дивий царь и на этот раз собирается обвести его вокруг пальца. Ведь тот обещал подумать – ничего более... Пришлось снова взяться за доску и мел:

«Мне известны многие секреты Кошечевича. Я расскажу их все. Но сперва помоги расколдовать Василису».

– А в услужение ко мне пойдёшь? – хмыкнул Ратибор, потирая ладони. – Скажем, года на три?

Княжич кивнул.

– А на пять?

Он снова кивнул, хотя происходящее нравилось ему всё меньше и меньше. Ворот рубахи вдруг стал очень тесным, пришлось немного распустить шнуровку у горла.

– А на десять?

И хоть ненавидел Лис своего отца лютой ненавистью, а всё же всплыли в его голове Кошечевичы слова:

«Никогда не опускайся до просьбы и мольбы, сын мой. Приходи и бери всё, что захочешь взять. Коли есть у тебя сила – значит, есть и право. Помни: стоит один раз дать слабину – и станут помыкать тобой во веки вечные».

Лис скрипнул зубами. Конечно, не хотелось этого признавать, но, может, прав был Кошечевич? Может, с дивными нельзя иначе? Вон, у царя уже три года в десять превратились, а там, глядишь, и вся сотня набегит. Посмеётся Ратибор над княжичем: получит, что сам желает, а взамен ничего не даст. Не зря же старики говорят: хоть и хитёр молодой лис, но старая россомаха хитрее и опасней всех зверей в лесу...

Тем временем дивий царь усмехнулся и подлил масла в огонь, нарушив изрядно затянувшееся молчание:

– Проверял я тебя, глупый полукровка. Не очень-то ты, видать, любишь свою матушку, коли раздумываешь. Хороший сын в такой час сомневаться не станет.

Этого оскорбления Лис вынести уже не смог. Размахнулся и вдарил насмешнику прямо под дых – царская дружина даже ахнуть не успела. Ратибор явно такого не ожидал: согнулся в три погибели, повис на руках своих охранников и несколько мгновений жадно ловил ртом воздух, а когда наконец продышался, прохрипел:

– Совсем очумел, паскуда навья?! Забыл, что на Лысой горе должно блюсти перемирие?!

– Давай прикончим их? – Марена потёрла ладони.

И Лис был почти готов кивнуть. А что? Отличный план. Подумаешь, троих негодяев жизни лишить! На войне и больше погибало! Причём невинных.

Уж потом, снова и снова возвращаясь мыслями к этому роковому дню, Кошечевич вздыхал: если бы перстень оказался тогда у Ратибора на пальце, точно бы царю не жить. Но тот благоразумно не взял волшебную вещицу с собой. Только это и спасло негодяя от смерти, а Лиса – от клятвопреступления.

Жаль, что Марена расстроилась:

– Ну и пожалуйста. Второй раз я такого не предложу. Упустил своё счастье, лопух.

Лис ничего ей не ответил. Душу внутри будто бы – раз – и приморозило. Никогда прежде он такого не чувствовал...

Он хрустнул костяшками пальцев, покрепче сжал в кулаке крошащийся мел, написал на доске: «*А в следующий раз убью!*» – и сплёл руки на груди, глядя, как Ратибор медленно пятится, выплёвывая проклятия, будто косточки от вишен.

Печальнее всего было в очередной раз услышать, мол, похож сынок на батьку своего как две капли воды. Болотной. С душком. Но уже даже не обидно. Всегда так было, всегда будет...

А царь-то, похоже, испугался: по крайней мере, выглядел таким бледным, будто и впрямь Кошечя увидал. Может, Марена всё-таки за плечом мелькнула? С неё станется.

Лис провожал врага мрачным взглядом и думал:

«Коли придётся, до самого конца пойду. Всё что угодно сделаю, только бы избавить матушку от вечных мук. Я же хороший сын, что бы там кто ни говорил».

– Мы ещё посмотрим, кто кого! – зло выдавил царь напоследок, прежде чем поспешно впрыгнуть в вязовое дупло и исчезнуть в золотистом мареве вместе со своими насмерть перепуганными воинами.

– Скатертью дорожка! – напутствовал Кошечевич дивных недругов, хотя те уже не могли его слышать.

Багряное солнце нырнуло за окоём, и мир окутали густые синие сумерки. На плечо Лиса села птичка-восточка, почистила клюв о ремень кожаной (бывшей Кошечевой) перевязи и вопросительно чирикнула, словно интересуясь, не пора ли ей снова в путь-дорогу.

– Пора, милая, – кивнул ей Лис. – Слушай и запоминай: сегодня мы объявляем войну Дивьему царству. Придём, сперва отвоюем своё, а потом возьмём всё, что захотим. Просто потому что можем!

Птичка чирикнула и нехотя взмыла в воздух. Что поделать: восточки не любят приносить плохие вести. Но ей и не пришлось – Смерть опять решила вмешаться.

Щёлкнула пальцами – раз, и нет птички. В руки Лису упал хлебный мякиш, из которого она восточка была когда-то слеплена и чарами оживлена.

– Нет, ты не просто лопух, а дурень набитый. «Бери всё, что захочешь взять», пф! Это папка тебя научил, что ли? Помню-помню, его любимая присказка.

– И что с того? Может, и Кошей в чём-то был прав. Не доверять дивьим он меня учил, а я не послушал и вот, как видишь, поплатился, – Лису показался чужим собственный голос.

Раньше его ярость была огненной, а сейчас вдруг обернулась стылým хрустящим льдом. Прежде он винил только Кошечя за то, что тот сделал с матушкой, но Ратибор оказался ничуть не лучше. Оба они заслуживали мести.

– Эй, дружок, не гони коней, – Марена тряхнула его за плечи. – Где тот юноша, который давеча говорил, что не допустит новой войны? Что навий народ устал сражаться. Что людям нечего есть. Неужто всех положишь на алтарь своего возмездия?

– Тот юноша был да сплыл, – Кошечевич дёрнул плечом. – Можно считать, что умер. Только что.

– А я слыхала, будто бы он бессмертный.

– Он уже не уверен...

Лис ничуть не приукрашивал. Ему правда казалось, что внутри что-то умерло с концами. Быть может, остатки веры в людей.

– Ну, я его не уводила в свои чертоги. Так что, дружок, успокойся, соберись.

– Да спокоен я, – Лис разминал в руках хлеб, пытаясь вылепить новую птичку, но руки тряслись. В конце концов он сдался и сунул мякиш в карман. – Я одного не понимаю. Вот ты – Смерть. Тебе должно нравиться убивать людей. Так почему ты против войны? Тебе она сулит веселье да раздолье, разве нет?

– Я всего лишь делаю то, что должно.

– Значит, на самом деле тебе не нравится забирать жизни?

– Дружок, это другой мерой мерится. Нравится ли дождю лить? Нравится ли реке течь? Нравится ли осени наступать? Понимаешь?

– Но ты сама предлагала убить Ратибора и его подручных. Ради меня. А не потому, что «так должно».

– Больше этого не повторится, – Смерть поджала губы. – Вопреки тому, что обо мне болтают, я не бессердечна. Но коли даже ты смеешь меня за это осуждать, я умолкаю. Делай что хочешь, княжич. И будь что будет.

– Ну всё, теперь я совсем злое зло, – расхохотался Лис. – На Лысой горе царя ударил, перемирие поправ. Войну вот развязать собираюсь. Ещё и саму Смерть обидел. Точно негодяй Кошечев сын!

– Не наговаривай на себя, – буркнула Марена. – Во-первых, я не обижаюсь на подобные глупости. По правде говоря, не уверена, что способна на это чувство. Во-вторых, тебе нужен был советник – я попыталась им стать. Похоже, вышло неудачно. Значит, каждый должен быть на своём месте.

– И где твоё место?

– О, я-то знаю, где. Лучше спроси себя, где твоё? И чем поможет Василисе новая война? Помнишь, что сказал Май? Ты – выюн. Так какого духа пёсего пытаешься избыть свою беду, как дуб? Прёшь напролом, не разбирая пути. Неудивительно, что у тебя нашла коса на камень.

Когда Лис услышал имя Мая, на душе будто бы немного потеплело. Но недостаточно, чтобы холод ушёл.

– Ладно, признаю: я наломал дров и провалил переговоры. И да, сейчас не время для войны. Но что мне делать, Рена? Если я проглочу это оскорбление, царь решит, что я – пустолайка, и ни за что не оставит Навь в покое. Думаешь, я не вижу? Он хуже упыря. Только отвернись – непременно цапнет. А дашь палец, отхватит руку.

– Что делать, тебе скажут настоящие советники. Зря, что ли, их завёл?

– Да чёрт с ними, с советниками. Что бы сделала ты на моём месте?

Марена потянулась сладко, словно кошка. Кажется, ей были приятны слова Лиса.

– Не спешила бы. Окружила бы себя верными людьми. Подняла бы с колен родной край. Коли не избежать войны, подготовься к ней заранее. Найди союзников. Узнай побольше о враге... Ты же Лис, дружок. Будь хитрее. А месть, поданная холодной, порой в сто раз слаще на вкус.

– Ты говоришь прямо как Май.

– Потому что он мудр, хоть и юн. Тебе повезло. Скажи спасибо, что я его не забрала там, на охоте. Он был на волосок от гибели.

– Спасибо, – Кошечевич ничуть не покривил душой. Лучше было бы потерять правую руку, чем Мая.

– Как думаешь, что бы ещё он сказал на моём месте? Если опустить первые слова досады, – улыбнулась Марена.

– Что прежде, чем бросаться с головой в новую войну, мы должны выяснить, почему Кошей с превосходящими силами так и не смог выиграть старую, – вздохнул Лис. – Мне кажется, это и есть ключ к победе над Ратибором.

– Вот и поразмысли на досуге. А потом, да, – бери всё, что захочешь взять, дружок. Но только когда будешь полностью готов.

Глава шестая. Заклятие придётся доработать

– Лис, очнись! Ну же, Лис! Да чтоб тебя! – кто-то больно хлестал его по лицу.

Княжич с трудом разлепил глаза и увидел перед собой встревоженное лицо советника Мая. Ишь, какой взъерошенный. Белая прядка в волосах дыбом торчит, как гребень удода.

– Всё. В порядке, – Лис вяло махнул рукой.

– Оно и видно, как «в порядке». Ты что творишь, окаянный?

– А ты как с княжичем разговариваешь? Ещё и дерёшься! Сколько раз тебе говорить: я бессмертный, ничего со мной не случится...

Май стукнул о пол своей новой тростью, с которой ходил с тех пор, как смог встать с постели.

– И что мне с тобой прикажешь делать бессмертным, но безумным, слюни пускающим? Кашкой кормить, чтобы ложку к уху не понёс?

Кошечевич наморщил лоб. Он понять не мог, с чего советник так разоряется. Что вообще случилось?

– Лучше дай мне попить. В горле – пустыня.

– А что это на тумбочке? Чай? Или зелье? – Май взял пиалу, принялся.

– Если стоит, значит, так надо. Зачем-то же я его подготовил. Давай сюда.

Лис осушил пиалу одним глотком и сразу почувствовал немалое облегчение. Жажда ушла как не бывало, голова перестала гудеть, словно праздничный колокол. И тут вернулись воспоминания. Ох...

Со встречи Лиса с Ратибором уже миновала седмица. Первые несколько дней княжич злился, пересказывал советникам беседу с царём, ругая того последними словами. Перестал, только когда Вертопляс начал эти слова за ним повторять. Научил, понимаешь, хорошую ворону сквернословить...

Когда первая ярость утихла, Лис стал думать, что же делать. Ответ пришёл сам собой: чтобы уязвить врага побольнее, нужно сперва узнать все его слабости. А для этого хорошо бы отправить в Дивье царство соглядатая, чтобы смотрел да докладывал. Только после долгой войны дивьи люди стали подозрительными, пугаными. Мару не пошлешь – чародеи вмиг её выведут на чистую воду и изгонят. А новому человеку доверять сразу не станут, ждать придётся долго. Разумеется, Лис всё равно попросил Айена подобрать пару верных ребят, и чтобы ликом на дивьих были похожи: светловолосые да светлоглазые. Коли таких не найдётся, на крайний случай личину крепкую накинуть. С навьей-то рожей, ясное дело, никого ко дворцу и на выстрел не подпустят.

Один подходящий парень по имени Энхэ вызвался сам, получил задание и отправился в путь. Всё делалось в строжайшей тайне, потому что Лис подозревал, что не он один такой умный. Царь Ратибор тоже не лыком шит и наверняка тоже подобрал чернявых темноглазых типов, чтобы вились в Кошечевом замке и весточки передавали. У дядьки Ешэ – бывшего отцовского советника – на таких засланцев нюх был. Стольких на чистую воду вывел, что Лис со счёту сбился. Без Ешэ же приходилось справляться своими силами. С лета они не поймали ни одного дивьего соглядатая. Но это не означало, что их не было.

Вестей от Энхэ так рано никто не ждал, но у Лиса аж свербело. Он спать не мог, всё думал, как бы выведать, что там у дивьих во дворце происходит, что царь Ратибор поделывает и, главное, где он свой волшебный перстень держит? Вот и придумал заклиние, которым впору было гордиться. Берёшь зверя безобидного – скажем, белку – и переносишь часть своего сознания, чтобы её глазами смотреть, её ушами слышать. Белка под окном прыгает, орешки щёлкает, а ты вокруг глядишь и на ус мотаешь. Отличная же идея! Лис и зелье сварил, и верные слова придумал, всё у него было на мази. Первые опыты вышли на редкость удачными.

Правда, белка по здоровом размышлении всё-таки не подошла: лапки у неё короткие, долго будет до Дивьего царства добираться. Вот то ли дело сокол. Благо, его и ловить не надо, сокольниковому прикажешь – принесёт обученную птицу: зоркую, умную.

Сперва всё шло хорошо: сокол летел, Лис лежал в своих покоях, смотрел его глазами и наслаждался полётом. Впору было пожалеть, что люди не летают как птицы и не испытывают такого восторга, который выпал на долю княжича. Раньше он, бывало, летал на Шторм-коне под облаками, но это было не то. А тут – целый мир под твоим крылом, а выше тебя только луна и солнце.

Но потом оказалось, что сокол для охоты подходит хорошо, а вот для тайных дел – не очень. И теперь всё это придётся объяснить Маю...

– То есть ты никому ничего не сказал, а просто взял и вселился в птицу? – советник закатил глаза.

– Не просто взял и вселился, а несколько дней проводил испытания тут, в замке. Но мы не летали на дальние расстояния. Я как-то не подумал, что сокол проголодается, и мне придётся ловить и есть мышей. То есть я их не по-настоящему ел, но, поверь, всё чувствовал: и вкус, и запах. Брр...

– Приятного аппетита, княже.

Лис уж на что ослабевший был, а всё-таки отвесил Маю щелбан – и засмеялся. Надо же, в кои-то веки тот не ожидал и увернуться не успел.

– Вот тебе. Чтобы не ёрничал.

– Да я наоборот хотел сказать: молодец. Если зима будет суровой, вместе с подданными будешь мышинный суп варить. Вкусом тебя уже не удивишь.

– Ты хочешь знать, что дальше было, или нет? – Лис хотел поставить пиалу на столик, но промахнулся и хлопнул её об пол. Получилось, вроде как княжич буйнит, посуду бьёт. Хорошо, что Мая этим не проймёшь. – Тогда слушай. Когда мы, наевшись мышей и пичужек, всё-таки добрались до Светелграда, я напрочь забыл, зачем мы туда летели. Там ведь вечное лето, лепота, птички поют. А мой сокол ещё и самкой оказался. В общем, мы решили, что остаёмся. Совьём гнездо, выведем птенцов.

– Жениха-соколика не нашёл? – хохотнул Май.

– Да ну тебя, – отмахнулся Лис. – Я о серьёзных вещах толкую. Изъян в заклинании вышел. Когда влезаешь в голову к птице, начинаешь думать как птица. А она глупая, не хочет за царём Радосветом следить.

– Подытоживая: ты ничего не узнал.

– Угу. А ещё меня поймали. Царский сокольниковый увидал да и приманил. Надел клобук, и мне вдруг так страшно стало, что я заорал дурниной.

– Хуже. Ты клекотал. И бился башкой обо всё подряд.

– Хорошо, что ты пришёл вовремя, – Лис вздохнул. – Наверное, я должен сказать спасибо?

– Ничего ты не должен.

– И тем не менее – спасибо, друг.

– Вместо благодарности лучше пообещай мне, что больше не будешь так делать, – Май опустился на табурет, неловко выставив перед собой ногу.

– Заклятие просто нужно доработать!

– Лис!

Княжич нашёл в себе силы сесть на кровати.

– Смотри, я в порядке. Живой. Не спятил. Но точно сойду с ума, если не узнаю, где царь перстень Вечного Лета прячет.

– А потерпеть не судьба? – Май встретился глазами с негодующим взглядом Лиса и добавил: – Понял. Глупый вопрос.

– Послушай, я не могу сдаться, когда у меня почти получилось.

– Свить гнездо?

– Проникнуть в царский терем. Обещаю, что в следующий раз позову тебя сразу. Будешь охранять мой колдовской путь. Соглашайся! Когда ещё сможешь надавать мне по роже, если что-то опять пойдёт не так?

– М-м-м, заманчивое предложение... – улыбнулся Май. – Ладно. Ты всё равно не отступишься, я тебя знаю. А так хоть под присмотром будешь, бедовая голова.

И пока советник не передумал, Лис решил сменить тему:

– Как твоя нога?

– Получше, – Май поморщился так, что стало ясно: врёт как дышит. – И рана на боку тоже затянулась. Хорошие у нас целители.

– Что они говорят? Хромота останется?

– Пока не ясно.

– А если честно?

– Скорее всего, – советник, кажется, сердился. То ли на Лиса, который сперва натворил глупостей, а потом ещё с дурацкими вопросами прицепился, то ли на судьбу-злодейку, которой было угодно сделать его калекой во цвете лет.

– Не дуйся. С тростью ты смотришься очень солидно. Хочешь, прикажу мастерам, сделают тебе резную, с самоцветами дивными и потайным клинком?

– Не хочу, княже.

Значит, не смирился ещё. Оно и понятно – слишком мало времени прошло. Обидно и глупо вышло: всю войну пройти без царапинки, чтобы в мирное время на охоте ранение получить.

– А чего ты хочешь? – Лис не знал, что бы такое сделать для друга, чтобы тот хоть немного посветлел лицом. Май вроде и улыбался, а глаза всё равно оставались грустными. Он изменился, и видеть это было невыносимо.

– Хочу как раньше.

– Эй-эй, раньше была война. А мы с тобой о чём договаривались? Что не допустим новой, помнишь? Не представляешь, каких сил мне стоило не броситься на Ратибора, когда он выдирываться начал. Так бы и швырнул перчатку в рожу. Кольчужную.

– Что-то не очень похоже на мирные переговоры, – Май немного повеселел. Видимо, представил себе расквашенный нос царя. От такой картины хошь не хошь, а сердце радуется.

– Больше было похоже на избиение. Причём били меня. Я не справился, Май.

Хоть Лису было и непросто, но он всё-таки сказал это вслух.

– Не вешай нос, княже. Царь Ратибор зело опытен в государственных делах. Он – что щука в пруду, а мы с тобой пока карасики. Но это даже к лучшему. Сейчас он думает, что ты ему не соперник. Значит, и теснить особо не будет. А мы пока сил поднаберём, зубы отрастим. На всякую щуку свой рыбак найдётся. Надо только подождать.

– Ненавижу ждать, – процедил Лис сквозь зубы.

Но тут советник его даже утешать не стал, просто пожал плечами:

– Так учись. Я понимаю, матушка твоя смертной была, все они жить торопятся. Но ты-то куда бежишь?

А Лис и сам не знал, куда. Только хотелось, чтобы всё стало как ему хочется. И быстро! Жаль, судьбе не прикажешь, ей земные князья да цари – не указ.

* * *

Ещё две седмицы Лис дорабатывал своё заклинание, вертел его так и этак, да так ничего и не добился. На короткое расстояние полетать-посмотреть – пожалуйста. Но чуть время прой-

дёт – всё. Животная суть брала верх над его рассудком, и сопротивляться ей не было никакой возможности.

Май говорил, мол, отложи пока эту затею, княже. Колдовство – что твоя дверь. Будешь с разбегу биться, никогда не откроется. А ты с тылу зайди, с непривычной стороны.

Знать бы ещё, где та сторона.

Лис сам понимал, что зашёл в тупик, и от этого ещё больше злился и огрызался почём зря, когда его по государственным делам дёргали.

Однажды даже Айен не выдержал, заявил в лоб:

– Не можно быть князем и чародеем одновременно.

– А у Кощея получалось, – ляпнул Лис. Он тут же прикусил язык, но было уже поздно, Айен скривился.

– И что, хорошим он был князем?

Лис промолчал, а потом весь остаток дня скрипел зубами от досады, придумывая, как можно было бы ответить. Вот так – и обратить всё в шутку? Или вот эдак – и поставить нового советника на место?

Отчаявшись, он пытался покликать Марену, но та не отзывалась. Видать, не интересны ей были дела чародейские. А может, занята была. У Смерти, небось, хлопот немало.

Решение пришло неожиданно-негаданно, когда уставший княжич сел у окна и принялся крошить хлеб, чтобы подкормить птиц. Он часто так делал в минуты кручины. Шелест крыльев его успокаивал. Обычно на угощение слетались воробьи да синички, а тут вдруг прилетел из лесу клёст-еловик. Красивый, красненький. Жаль, с потрёпанным хвостом.

– Небось, от ворон досталось, воин? – спросил его Лис и вдруг хлопнул себя по лбу. Вертопляс! Ну конечно! Как же он раньше не догадался. Неужто и правда поглупел, то и дело помещая свой рассудок в звериные да птичьи головы?

И Май хорош, не подсказал. Наверняка сделал это нарочно. Ещё небось и Вертопляса подговорил не показываться хозяину на глаза.

Княжич высыпал остатки крошек на подоконник, отряхнул ладони и отправился искать вещуна.

Вертопляса не оказалось ни на большом шестке, ни на малом. Не было его и в беседке, где он любил поклёвывать ягоды боярышника и рябины. И даже на кухне, где для него всегда оставляли мясо. Ну точно прячется!

Но у Лиса было кое-что, перед чем Вертопляс не мог устоять, – колдовская песня. Он вернулся в покои, взял гусли и принялся наигрывать, сочиняя на ходу:

«Ветер зимний, не спеши, лучшие правду Расскажи – одному тебе я верю: где сыскать мою потерю?»

Дальше Лис хотел спеть что-нибудь про «не просто укажи, а принеси». Даже представил, как распахивается окно и Вертопляс влетает, повинувшись вихревому порыву. Но озвучить не успел, потому что чей-то молодецкий голос окликнул его с улицы:

– Эй, Кощеич! Ворону потерял, что ль?

– Типа того, – Лис отложил гусли.

Панибратское «Кощеич» удивило его, а вот окрик снаружи заставил напрячься. Покои-то его под самой крышей восточного крыла были. Кто может говорить и одновременно летать на такой высоте? Говорящие птицы да горынычи. Ох, только бы не последние...

Холодея, Лис выглянул в окно, но никого не увидел. Уже хорошо. Значит, не горыныч. Змея о трёх головах попробуй не заметить.

– Да ты головой не верти, голубь сизый, – со смешком отозвался голос. – Сам же зимний ветер позвал. Вот он я! Младший Ветерок, здравствуйте. Как раз мимо пролетал. Видел воронёнка твоего. На конюшне сидит, с марой-кошмарой в тавлеи играет.

– С какой марой? – У Лиса ёкнуло сердце.

Он снова вспомнил Маржану и как они ругались на конюшне, прежде чем та совсем ушла. А вдруг вернулась? Помнится, она тоже в тавлеи любила играть.

– А мне откель знать? – удивился Ветерок. – У ней на лбу имя не написано.

– Ну ты же везде летаешь. Может, и Маржану видал?

– Может, и видал.

– Тогда скажи, где она?! – У Лиса загорелись глаза.

– Э-э-э, нет, – рассмеялся Ветерок. – Такого уговору не было. Одно заклятие – одна просьба. Иди лови своего вещуна, Кошеич, а то улетит.

– А что, если я второй раз тебе спою?

Ветерок не просто рассмеялся – заржал. Ну чисто жеребец. Эх, жаль, этого насмешника не увидеть, не споймать, а то бы Лис допросил его с пристрастием. Наверняка же знает, негодяй, где Маржана прячется!

– Пой. Хоть всю глотку обдери, а я уж далеко буду, – Ветерок присвистнул, жёлтые листья взметнулись за окном, и всё стихло. Тут он или нет его – кто теперь разберёт?

Может, стоило позвать осенний ветер? Они, говорят, посговорчивее.

Лис и сам не знал, отчего вдруг обратился к зимнему. Ещё ведь не настало их время. Странно, что вообще дозволялся. А, ладно. Он потом разберётся. Сейчас главное было не упустить Вертопляса.

Запыхавшийся и раскрасневшийся, он ввалился на конюшню, распахивая дверь с ноги. Уф, успел! Мара, увидев княжича, охнула и скрылась в тених. «Не Маржана», – разочарованно отметил Лис.

Вертопляс пытался улететь, но замешкался, забуксовал лапами на доске среди фишек. Тут-то княжич и накрыл его шапкой.

– Ага, попался!

Вещун возмущённо каркнул.

– Безобр-разие!

– Согласен. Что вы с Маём удумали? Это ведь он тебя подговорил спрятаться?

– Твоя пр-равда, – Вертопляс не стал отпираться. – Мне всё р-рассказали.

– Что – «всё»?

– Выпусти, отвечу.

– Ага, как же! Улетишь – и потом ищи-свищи тебя! – воронёнок молчал, и Лис в сердцах сплюнул. – Я так и знал. Ещё друг называется!

Это проняло. Вертопляс сдавленно проскрипел:

– Не улечу. Честно-пр-речестно.

Лис поверил и шапку поднял. Воронёнок обиженно встряхнулся и принялся чистить пёрышки. Княжич его не торопил, хотя очень хотелось. Лучше было немного подождать, чем потом выслушивать жалобы на помятое оперение.

Наконец Вертопляс соизволил его выслушать, а потом разразился хриплым карканьем:

– Кор-роче, ты слур-рел мне в башку лезть? Вор-роньи секр-реты – не для людей.

Заслышав несправедливые обвинения, Лис несколько мгновений ловил ртом воздух, не зная, что и сказать. А когда к нему вернулся дар речи, буркнул:

– Сдались мне ваши секреты! Не в них дело.

– А в чём же тогда? – удивился Вертопляс. – Я думал, пр-ророчеств хочешь. Всех и ср-разу.

– Моё заклинание не может читать мысли, дурачок. Я просто буду видеть твоими глазами и слышать твоими ушами – это всё. Может, ещё говорить смогу, тут не попробуешь – не узнаешь. По правде говоря, я пока вообще не уверен, что у нас получится. Но поверь, тебе и твоим тайнам ничего не угрожает.

Вещун слушал его, склонив голову. Ещё не согласился, но уже хотя бы не возражал. И Лис дал волю своему красноречию:

– Ты единственный, кто может помочь. Другие птицы и звери слишком дурные, мозгов мало. А мне нужно узнать, что у наших врагов в Дивьем царстве происходит, что они замышляют, чего опасаться.

– Р-разведка? – уточнил воронёнок.

– Именно. Если повезёт, попадём в сокровищницу.

– Др-рагоценности?

– И монетки. Ты же любишь монетки? Но главное – добыть перстень Вечного Лета. Так мы спасём мою матушку. А дальше будет и коронация, которой вы так от меня ждёте, и пир горой, и радости полные штаны. Мало тебе? Хочешь, слово дам?

Воронёнок покачал головой.

– Не надо. Лучше вот что скажи... этот зачар-рованный пер-рстень, он яр-рко блестит?

– Ярче звёзд.

Это решило всё. Вертопляс подался вперёд и захлопал крыльями:

– Пр-рекр-расно. Тогда я – в деле!

Глава седьмая. Ну что там в Дивьем царстве?

Май скрепя сердце согласился. Сказал, если с кем и отпускать княжича в полёт, то только с Вертоплясом. Услышав эти слова, Лис так обрадовался, что не стал пенять советнику на то, что тот подучил воронёнка спрятаться.

Так на рассвете следующего дня они тронулись в путь. Лис надеялся, что с разумной птицей можно будет поболтать в дороге, но заклятие не позволило двум личностям соседствовать в одной голове. Мысли всё равно переплетались, хотя княжич оставался за главного. Порой он чувствовал желание поклевать падали, но легко смог противостоять этому. Зато когда в одной из попутных деревень удалось влететь в окно и стащить кусочек курятины прямо из рук зазевавшейся поварихи, оба они – и Лис, и Вертопляс – были в восторге. Добыча же!

Воронёнок летел намного медленнее, чем взрослый охотничий сокол. Приходилось чаще останавливаться, ночевать в полях или под крышей на чужом сеновале.

Спустя несколько дней пути Лис заскучал. Он очень жалел, что нельзя было воспользоваться навьим зеркалом, чтобы сократить часть пути хотя бы до Серебряного леса. Но, увы, при любом колдовском перемещении разрывалась связь с птицей.

Зато когда он наконец-то увидел под собой петляющее русло молочной реки с кисельными берегами, сердце возликовало: ага, уже близко!

Стены Светелграда белели, словно кости среди зелёных лугов. Это было даже красиво, но как-то... вылизанно, что ли? Будто на лубочной картинке, где всё заведомо ненастоящее. Слишком бело и зелено, слишком чистенько и опрятно – всё слишком. Как и это вечное дивье лето. Разве им самим нравится так жить? А как же буйное весеннее цветение? А рыже-багряный ковёр осенних листьев? Радости зимних забав дивьи люди тоже были лишены. И не скучно им?

Среди прилепленных друг к другу деревянных теремов, резных башенок и похожих на пряники домиков Лис безошибочно угадал каменный царский дворец на холме. Богато, ничего не скажешь. Хрустальная крыша слепила глаза, играя солнечными бликами, а в воздухе гордо реяли алые флаги с бегущим белым волком – гербом царя Ратибора.

Опытным глазом Кошечевич прикинул: добрая крепость. Со стороны холма осаждать – гиблое дело. А со стороны реки придётся переправу строить, что не так-то просто сделать на кисельных берегах. Неплохо устроился царь.

Ладно, может, до осады дело и не дойдёт. Сперва нужно отыскать заветный перстень. Понятно, что царь не принёс его на переговоры, потому что не собирался отдавать. Но, может, у себя дома он его запросто на пальце носит? Значит, сперва нужно было найти Ратибора. «И откусить пальчик», – это, похоже, была мысль Вертопляса.

Поиски не заняли много времени. Лис обратил внимание, что во дворе, словно таракашки, снуют слуги с подносами, полными яств, в воздухе пахнет свежей выпечкой, а из распахнутых окон доносится задорная музыка.

– Да тут какой-то пир-р горой. Небось, пр-разднуют, что Сер-ребр-ряный лес у меня отобр-рали, – задумчиво молвил Лис и тут же прикусил язык. Хриплое карканье легко складывалось в слова. Если кто-нибудь заметит говорящую ворону, заподозрит неладное да доложит куда следует, проблем не избежать.

Княжич покружил над крышами, осторожно спустился на подоконник и заглянул в раскрытое окно. Не был бы он птицей, изо рта точно бы потекли слюнки: царский стол ломился от яств. пышные хлеба, ягодные пироги, дымящиеся супницы, печёные лебеди с распахнутыми крыльями, кабанчик на вертеле, чернослив на золотых блюдах, кувшины с хмельным мёдом и молодым вином... и это в то время, когда в Нави готовятся к голодной зиме! Несправедливо!

От многоцветья мозаичных стен, оконных витражей, золотых блюд и украшенных драгоценными камнями кубков рябило в глазах. В Нави предпочитали более сдержанные цвета, а тут – будто безумный художник расплескал все краски, а люди взглянули и решили: какое прекрасное убранство!

Во главе стола с кислой миной сидел царь и глодал лебяжью ляжку. На рукаве из алой парчи виднелись жирные пятна, и тонкие губы Ратибора тоже блестели от жира. Ух, до чего же неприятный тип. Неудивительно, что царица у него – Голуба её звать вроде бы – такая бледная да зашуганная. Худая, бедняжка, руки аж прозрачные. И взгляд как у побитой собаки. Ох, нелегко тебе, Голуба, в царском тереме жить – это намётанным глазом сразу видно.

Лису стало жаль несчастную царицу. В Кошечевом замке он видал много женщин, что мужу перечить не смели, терпя все выходки. Вспомнив матушку, пригорюнился ещё больше. Интересно, есть ли на свете хоть один правитель, чья жена чувствует себя счастливой?

По правую руку от царя, как и положено, сидел малолетний наследник – царевич Радосвет. Лис мысленно улыбнулся: «Ну, здравствуй, волчонок».

Ратибор, небось, и не догадывался, что его сын однажды побывал в Нави и едва избежал гибели. Одно неловкое заклинание – и всё. Царевич чудом попал к Василисе в башню, а не к Кошечу в лапы. Повезло недотёпе.

Дивий мальчишка был смешной, ещё не испорченный своим папашей – не знающий ненависти. Помнится, он даже матери слово дал, что вызволит её. Герой! Судя по тоскливым щенячьим взглядам, волчонок тогда втюрился в Василису по уши. Забавно. Жаль, от этой детской влюблённости не было никакого проку. Для ратных подвигов парнишка был ещё маловат. А к тому времени, как он вырастет, Лис уже освободит мать и сам.

Место царевны Ясинки – старшей дочери Ратибора – пустовало. Про неё Лис что-то слышал, но почти ничего не помнил. То ли дурочка она, то ли просто припадочная. Ну её, в общем.

Царь наконец-то изволил отложить лебяжью косточку. Он сполоснул руки в золочёной посудине, и Лис едва не каркнул от досады: перстней на руках Ратибора хватало, да все были не те. Ни одного волшебного. Ох, не быстрое это дело – разведка. Но княжич не собирался так легко сдаваться.

Увы, он всё же не смог сдержать разочарованного вздоха и чуть не выдал себя самым наиглупейшим образом. Кто же знал, что вместо вздоха в вороньем облике из горла вырвется короткое «кар»?

– Вуф! – Нечто грозное и белое клацнуло зубами прямо перед его клювом, и если бы Лис не увернулся, его бы точно перекусили пополам.

Уже кувыкаясь в воздухе, он рассмотрел, чьей добычей чуть не стал. Да это же симаргл – крылатый пёс! Редкий, между прочим. Такого не каждый приручить может. Неужто царю удалось?

Другой бы покрылся пятнами от зависти, но только не Лис. Он не любил собак, потому что всё детство провёл бок о бок с Кошечевыми огнepёсками. Спасибо, те хоть не летают. А симарглы, значит, ещё хуже! Брр...

Он уже представил себе, как бесславно может закончиться вылазка, если его поймут и принесут царю в зубах, как вдруг раздался недовольный девичий голос:

– Ми-ир, опять твой пёс птиц гоняет!

И какой-то мальчишка вздохнул:

– Вьюжка, очень тебя прошу – фу!

Симаргл тут же перестал лаять и убрал лапы с подоконника.

– Зачем вообще брать его с собой на пир? – не унималась девица.

– Но ему же скучно одному.

– Ничего, пусть поскучает. Невоспитанный он у тебя!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Отроки, ведите себя прилично! – вмешался незнакомый женский голос. Низкий, бархатный. Из таких, которые даже не крикнут, не шикнут, а всё равно послушаешься. – Радмила, ты же старшая. Не задирай брата.

Княжич немного покружил над двором, подождал, пока сердце перестанет так сильно колотиться, и спустился. На этот раз сел на ставню – подальше от всяких там лающих-кусающих.

Что ж, спасибо этой неизвестной Радмиле, что вовремя спохватилась. Кстати, а хороша девица-краса, золотая коса. Не так уж и мала: ещё немного – и на выданье. А братец её – примерно ровесник царевича, такой же белобрысый и краснощёкий, только без веснушек. Похоже, дети каких-то важных людей. Иначе с чего бы их матери сидеть рядом с царицей? Ещё держится так, что Голуба по сравнению с ней блекнет. И голос властный. Никак вторая жена? Ах, нет, у дивных же только одна супруга бывает, а полюбовниц за стол не приглашают... Значит, советница или чародейка. А может, и то, и другое разом.

– Это же дети. Они всегда бранятся меж собой, Ладушка, – царица поджала губы.

Царевич поймал укоризненный взгляд матери и сделал вид, что изучает узор на скатерти.

А Лис с удовольствием ещё поизучал бы эту Ладушку – словно чуял, что напал на верный след. Но тут в пиршественную залу ввалился старый знакомец – богатырь Ванюша. Единственный смертный человек среди дивных. А для Лиса – настолько верный враг, что уже даже почти друг.

Княжич уж думал, что больше никогда им не свидеться... помнится, в последний раз они разговаривали аккуратно в ночь Кошечевой смерти, и Ванюша сказал, мол, не желаю больше царю Ратибору служить, хочу домой, в Дивнозёрье, к жене любимой. Обычной жизнью жить станем, хватит с нас войн.

Выходит, не ушёл? А казалось бы, все условия ему создали!

Настоящие герои – те, что уток-зайцев переловили да Кошечеву смерть нашли, – от своей славы отказались в его пользу. Ныне все на свете думали, что Ванюша в одиночку Кошечу одолел, только его там даже не было. Правду знали четверо: Лис, Май (куда ж без него?) да ещё дивный чародей Весьмир с воительницей Отрадой – та самая парочка героев, пожелавших остаться неизвестными.

– Здравствуй, Иван, – ласково сказал царь. – Присаживайся, милдруг, избавитель ты наш! Отведай-ка разносолов. Огурчики вот, крепкие, хрустящие, как ты любишь...

Но не успел Лис мысленно попенять богатырю, что тот слова не держит и чужой славой почём зря наслаждается, как румяное Ванюшино лицо исказила гневная гримаса:

– Не пировать я пришёл! Скажи, царь, когда обещание исполнишь?

Тут Лада встрепенулась, в ладоши хлопнула:

– Так, отроки, а ну идите поиграйте в саду. И Вьюжку с собой заберите. У взрослых – дела.

Царь дождался, пока дети выйдут, нетерпеливо вертя в руках серебряную ложечку, и только когда за наследником закрылась дверь, елеинным голосом молвил:

– Куда ты так торопишься, Вань? Всею своё время. Разве будут тебя в Дивнозёрье печёными лебедями потчевать? А мёдом сладким хмельным? Давай победу отпразднуем, потом потолкуем. Чего стоишь как не родной?

– Дык который месяц ты мне уши конопатишь? – вскипел Ванюша. – Всего одну награду я просил, и ту не даёшь. Сперва, мол, подожди, Иван, седмицу-другую – а вдруг война возобновится? Потом, мол, подожди, пока дивьи воины домой вернутся, а то столицу охранять некому. Вот, вернулись – и снова: подожди, Иван, пока мировую не заключим с Навью. Дык заключили. Серебряный лес вернули даже. Чего мне ещё ждать?

Музыканты перестали играть, гости заахали, зацокали языками. Царь нахмурился, ложку в руке сжал, будто бы раздавить её хотел, поиграл желваками и сказал уже чуть менее дружелюбно:

– Скоро только коловерши родятся, а прочие дела с толком да расстановкой вершить надобно. Разве ты не заслужил отдых? Попируешь денёк-другой, в баньку сходишь, косточки попаришь, а мы пока тебе даров соберём, проводим с подобающими почестями. Сам понимаешь: коли уйдёшь, вернуться в наши края уже не выйдет.

– Не хочу даров, – богатырь покачал головой. – Только яблоко молодильное. Своё я лишь потому съел, что ты мне второе обещал для жены моей, Даринушки. Сколько лет война длилась, а? Люба моя, небось, вся седая уже. А мне каждый день вдали от неё – мука адская.

Ратибор наклонился и через голову царицы Голубы о чём-то пошептался с Ладушкой. Помрачнел лицом, покивал, а потом выпрямился, словно аршин проглотил, и заявил:

– Прости, Вань, не могу я тебя сейчас отпустить. Времена опасные, мир шаткий. Слуцись опять война с Навью, как мы без богатыря останемся? Лютогор, Кошечев сын, замышляет недоброе. – Тут Лис чуть было не закашлялся, но вовремя опомнился – не каркать, не каркать! – Чует моё сердце, коли уйдёшь – непременно быть беде. Прошу тебя, друг, останься ещё хоть ненадолго.

– Это на сколько? – скривился Ванюша.

– Да сущий пустяк. Лет на пять-шесть. Зато потом у вас с любимой Даринушкой будет вечность на двоих.

Так вот как, значит, царь уговаривал Ванюшу всё это время. Василиса сказала бы: на шею сел, ножки свесил. Лихо Одноглазое точно так делает: прилипнет – не отвяжешься. Было у Ратибора с лихом что-то общее. Вон, из Голубы своей ненаглядной все соки высосал, клещ.

Богатырь стоял, сжимая и разжимая кулаки, а потом тихо, но веско сказал:

– Нет.

– Что-о-о? – вытаращился Ратибор. Видать, не привык, чтобы ему отказывали.

– Не согласен, – уже громче повторил Ванюша. – Отдавай мою награду, и пойду я. Нет мочи терпеть.

– Коли просьбы царские ты ни в грош не ставишь, тогда приказываю – останься! – бледнея, процедил Ратибор. Глаза у него сделались злые-злые, будто ледяные.

«Ох, сдастся Ванька», – подумал Лис, но ошибся.

– Во где у меня твои приказы сидят! – богатырь провел рукой по горлу.

Гости снова ахнули. Какая-то девица на другом конце стола даже хлопнулась в обморок, и мамки-няньки засуетились, пихая ей под нос нюхательную соль.

– Ах, так? Ну и уходи, – Ратибор свёл густые брови так, что они превратились в линию. – Ничегошеньки от меня не получишь, неблагодарный смертный! Ни дорогих подарков, ни молодильного яблока. Даринка твоя тебе теперь в бабки годится. Гуляй, Ваня, – уважь старушку, скрась её последние денёчки.

– Как это в бабки? – охнул богатырь. – Сколько же времени прошло?

– Так оно по-разному идёт здесь и в мире смертных. Потому что капризное. Там бежит, тут еле плетётся. Наоборот тоже бывает. Никогда наперёд не угадаешь.

– Но разве царь на своей земле не может договориться со временем? – тихонько подсказала Голуба.

Ратибор стукнул кулаком по столу так, что кубки подпрыгнули. Один даже перевернулся, и молодое вино выплеснулось царице на платье. Пятна показались Лису похожими на кровь...

– Не твоего ума это дело, голуба моя.

Лада тронула царицу за плечо, мол, не надо, не лезь, и та спрятала лицо в ладонях – видимо, чтобы не показывать слёз.

– Так что, Вань, решил? – Ратибор улыбнулся богатырю. – Десяток лет служишь мне и забираешь яблоко? Или уходишь сейчас же к старухе своей?

– погоди! Ты же говорил – пять лет!

– И было бы пять, если бы ты не перечил. За дерзкие слова отвечать надобно.

– Это нечестно. – У Ванюши задрожали губы. – Я дивным людям всегда помогал. В боях верой и правдой сражался, с Кошечем поквитался. Коня чудесного, что в поднебесье летает, из навых конюшен добыл и тебе, царь, привёз.

– Ой, будем ещё считаться? Чай, не на базаре, Вань. Кстати, а меч-кладенец кто прохlopал? Не ты ли?

– Да я ж потом вернул... – впервые за время беседы Ванюша смутился.

«Зря он оправдывается, – подумал Лис, качая головой. – Сейчас царь его носом в лужу начнёт тыкать, как паршивого кутёнка».

И точно:

– А надо было не терять! – хмыкнул Ратибор.

Тут богатырь удивил Лиса, потому что снова взбрыкнул:

– Детей своих отчитывай, царь. А меня – не смей.

– Так вы мне все как дети. Я отец стране, о благе Дивьего края пекусь. Нешто ты один воевал? Оглянись, Ваня, посмотри на лица вокруг. Всем несладко, все устали. Только-только решили погулять, немного радости в сердце впустить, и тут ты – со скандалом, со словами резкими. Не стыдно тебе праздник портить?

– Дык не избегал бы ты меня, не пришёл бы я при всех рядиться.

– Я не избегал. Делами был занят важными, государственными. А ты в последнее время, говорят, под кустом прохлаждался да шапкой шишки с ёлок сбивал? Нехорошо.

Ратибор так ловко стыдил богатыря, что Лис сам покраснел бы, если бы мог. Что ж, теперь ему было не так обидно за проигранные переговоры. Княжич хоть и умел складывать слова, подчиняя людей своей воле, а царь-то куда дальше в этой науке продвинулся. Ишь, плетёт сети, что твой паук. Добреньким притворяется, да только Лиса теперь не обманешь. Недооценить противника он мог лишь единожды.

– Дык эта... делать было нечего. Поручений не передавали, – Ванюша изучал носки своих сапог.

Ратибор скорбно вздохнул:

– О том и речь. Мне за всех думать приходится, бремя суровое нести. Ох, тяжела ты, царская доля.

– Дык эта... – повторил богатырь, обеими руками взъерошивая буйные кудри.

Видно было, как он пытается найти нужные слова, а те не идут в голову. Это только с мечом да в буйной сече Ванюше не было равных, а красноречие ему не давалось. Бесхитростный, прямой как стрела – наверное, он даже не понимал, что сеть давно затянулась. Как только ему яблочко молодильное дали отведать, а Даринке – нет, всё, затянулся узелок на шее. Теперь царь мог из богатыря верёвки вить.

Но даже богатырское терпение однажды заканчивается.

– Всё равно уйду! – вдруг топнул ногой Ванюша. – Не верю я тебе вот ни на стручок, ни на горошину! Так и будешь меня завтраками кормить. А Даринка того и гляди от старости помрёт, и тогда на кой мне твоё яблоко?

Он чуть не плакал, но крепился. Царь же отвечал как ни в чём не бывало:

– Не волнуйся, милдруг. Коли помрёт, у меня живая вода есть.

– Дык за неё, небось, ещё десяток лет служить придётся? Знаешь что, царь? Да пошёл ты к лешему!

Тяжёлой поступью, от которой на столе звенела посуда, богатырь удалился из залы. Ратибор посмотрел ему вслед, переглянулся с Ладой и строго сказал гостям:

– Кушайте-кушайте. Надобно веселиться!

Ложки живо застучали о тарелки. Тем временем Лада тайком выскользнула за двери, и Лис решил полететь следом.

Глава восьмая. Услуга за услугу

Княжич сунулся в одно окно, потом в другое, а на третьем потерял Ладу из виду. Возможно, она спустилась по лестнице, а дальше отправилась во внутренние покои? Лис совсем не ориентировался в чужом дворце, а влететь внутрь побоялся: заметят же, хвост надерут.

От досады аж сплюнуть захотелось, но в птичьем облике и это было сложновато сделать. Он уже собирался вернуться в пиршественную залу, как вдруг заметил во дворе под вязом с большим – в человеческий рост – дуплом богатыря. Тот сидел прямо на земле и плакал, закрыв лицо руками.

Говорят, бессмертие притупляет сострадание. В прошлом Лис наверняка бы посочувствовал Ванюше. Он и сейчас разумом понимал: обидно, несправедливо поступил царь. Но полетел к богатырю не затем, чтобы того по головке погладить. Просто подумалось: если Ваня на Ратибора злится, может, укажет, где царь заветный перстень прячет? Не нарочно, конечно. А так, невзначай, за душевной беседой. Ради этой возможности стоило рискнуть и открыться.

Он спланировал на ветку вяза.

– Пр-ивет! Не р-реви!

– Уйди, вещунья, я в печали, – замогильным голосом отозвался богатырь. – Знаю, вы любите беду накликасть, да только мне уже и без тебя с горкой хватило. Куда уж хуже?

– Всегда есть куда, – Лис спустился пониже. – Ты меня не гоняй. Не узнаёшь? Не вещунья я.

Оказалось, если подбирать слова без звука «р», можно говорить тише и голос будет больше похож на собственный, только Ванюша его всё равно не признал.

– А кто?

– Угадай. – Кажется, это озорство всё-таки досталось от Вертопляса.

– Неправильно ты загадки загадываешь, птица, – фыркнул богатырь. – А подсказки где?

– Ладно: мы с тобой виделись летом, но тогда я был в человеческом облике.

– Тебя заколдовали? – ахнул Ванюша, привстав. – Выручать надо?

– Да сиди, сиди, – Лис махнул крылом. – Сам я заколдовался. Так надо было. Это не навсегда.

– Ага, значит, ты чародей. Третью подсказку давай!

– Знаю, что не ты Кошечя убил.

Приятно было посмотреть, как округляются глаза богатыря. Сюрприз-из!

– Весьмир? Или нет. С чего Весьмиру-то в ворону превращаться? Лис, неужели ты?!

– Он самый.

– Да как ты посмел-то заявиться в самое сердце Дивьего царства?

– С детства наглый был.

– Это уж точно. По уму должен я тебя царю выдать...

Лис, заслышав это, аж подавился:

– Что-о?! Вот этому негодяю, котор-рый тебя при всех унизил?

– Ты всё видел? – Ванюша повесил нос. – Веришь, чуть не вдарил ему!

– Так надо было вдар-ить!

– Ты каркал бы потише, дурилка. Поймают тебя – живым не выпустят, – богатырь заозирался по сторонам.

Лис не стал ему говорить, что не только разгадал секрет бессмертия отца, но уже и на себя примерил. Знал, что Ванюша этого не одобрит. Хотя... может, ему донесли уже. Слухами земля полнится. А Лис, бывало, во время войны красовался. Поймает стрелу грудью – и идёт себе

дальше. Не для форсу какого, а чтобы навьих воинов воодушевить. Дескать, всё нам нипочём. А дивьи пусть боятся!

– Не поймают, кишка тонка! Ты лучше скажи, чего нюни р-распустил? Пошёл бы да сам взял это яблоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.